

Валерий Вотрин

ЧЕЛОВЕК БРЕДУЩИЙ

фантастическая повесть

ГЛАВА 1

Замок Безумцев стоял в долине, у которой не было своего названия, но имелась репутация, почти столь же зловещая, как и у самого замка. Малахитовое небо сверкало над ним алыми полотнищами зарниц, острые шпильки устремлялись вверх, и безобразные птицы сидели на зубцах его башен. Окна замка светились странным светом, который переливался и мерцал, завораживая всевозможными оттенками. У основания замшелых стен замка на ровной, хорошо освещённой светом кровавой луны площадке Хейзинга и Намордник Мендес играли в бамбару.

Дорога начиналась недалеко от них, заросшая дикой травой и кустарником, и уходила за холмы, на серую необъятную равнину, покрытую ядовитым ковылём и змиевыми норами и залитую нехорошим лунным сиянием. По этой дороге к замку подходил Каскет.

Каскет был парень лет двадцати с бледным подвижным лицом, ясными голубыми глазами, крупным носом и улыбчивым ртом. Его волосы, тёмные и прямые, спадали на лоб небрежными прядями. Каскет был одарён во многих отношениях: он хорошо говорил, знал и любил древних философов, пел, плясал и умел играть на музыкальных инструментах. Он также был сведущ в колдовстве и мог постоять за себя в драке, зная, как управляться и со шпагой, и с мечом. Он нравился женщинам и некоторым мужчинам тоже. Его манера одеваться всегда была одинакова: красный кожаный камзол и зелёный

плащ. На поясе Каскет носил короткий меч с изумрудами на рукояти. В его карманах не было ничего сейчас и никогда ничего не водилось. Каскет был лёгкий и весёлый человек.

Тучи напоззли на луну, когда он приблизился к замку. Ещё издалека до него донеслись обрывки беседы, смысл которой уходил в дебри вековой игорной казуистики:

— Когда на третьей семёрке выпадает вилка, которую также называют чёртовыми рогами, а валет червей вынимает кинжал, чтобы поразить двойку и короля пик, — тогда и выходит бамбара.

— А дама? Куда девается она? Нет, вилка колет её в бок, она взвизгивает и вскакивает на короля, превращаясь в семёрку и становясь средним зубцом в вилке.

— Так ты не про вилку говоришь, а про трезубец. А он получается так, смотри... во-от... потом так... р-раз!

Слышалось шушание и азартные шлёпанье картами.

— Э! А туза? Туза-то ты забыл!

— Да не забыл я. Вот он. Он — башня пик. Дама томится у зарешёченного окна, а валет лезет к ней по верёвочной лестнице.

— Хм. А если лестница обрывается?

— Это и будет бамбара.

Каскет подошёл к ним и уселся рядом. Хейзинга был толстяк с впаянным в глазищу железным моноклом и париком, сделанным из стальных стружек. Глаза Намордника Мендеса, карлика с большими вислыми ушами, светились во тьме зелёным огнем. Над ними было вечно-беззвёздное небо с красным оком луны и светящиеся окна замка. За ними глухо возносилась вверх стена из дикого камня. Под ними был холодный выщербленный камень площадки. Перед ними был Каскет.

Ему дали его карты, и он устался в них.

— Десятка, — сказал Каскет, — вертит хвостом и заглядывает в глаза королю бубен, ибо пора отправляться на соколиную охоту.

— А на кого охота? — спросили его.

— На пустельгу, — сказал Каскет.

Намордник Мендес встал и потянулся.

— Недавно я сочинил стихи, — провозгласил он. — Слушайте.

Однажды в суровом и диком краю
К сосне привязал я лошадку свою.
Сходил по делам я, вертаюсь назад —
Сожрал мою лошадь бесстыжий бинфэн!

— Ха-ха-ха!

— Браво, браво!

— Стихи, достойные... м-м... даже сам не знаю кого!

Намордник Мендес расшаркался и сел.

— Итак, — произнес Хейзинга, уставясь моноклом в раскрытый всер своих карт, — на повестке ночи — определение бамбары. Первое: игра. Второе: игра карточная.

— То есть азартная, — вставил Каскет, покрывая шестёрку бубен двойкой пик.

— Именно. Поскольку это так, а никак не иначе, что могут подтвердить по меньшей мере три свидетеля, не считая прочих, число

которых совершенно точно установлено быть не может, что также засвидетельствовано упомянутым уже мною числом видоков, а именно — тремя, — заключаем, что бамбара — игра, игра карточная, игра азартная и, что самое главное, игра сложная. Все ли согласны?

Несогласных не было.

— Тогда, — продолжал Хейзинга, заставляя своего валета лезть под юбку даме треф, — зададимся вопросом тождественности обыденных реалий и тем, что происходит здесь, под стенами строения, известного больше под именем Замок Безумцев, каковое название непосвященному странно, и даже весьма, хотя отнюдь не странно человеку посвященному, искущённому и сведущему. То есть, говоря слишком упрощённо, тождественно ли тождество и реальны ли реалии? Имеет ли кто высказаться?

Желающих не имелось.

— Вот, к примеру, ты, — обратился Хейзинга к Каскету. — Имя?

— Каскет, — сказал Каскет.

— Вот видишь, — сказал Хейзинга Наморднику Мендесу. — Он реален, а значит существует, дабы иметься в наличии.

— Да, — молвил тот.

— Далее. Замок Безумцев. Все знают, что в нём хранится благородный чёрный опал, называемый Сажей Вельзевула, из чего следует, что наш друг Каскет, в просторечии, вор. Воруга.

— Совершенно с вами согласен, — откликнулся Каскет, побивая туза треф королём пик и делая вилку.

— Но возникает один вопрос. — Хейзинга поднял вверх почему-то четыре пальца. — По какой причине помянутый Каскет — единственный вор, пришедший сюда за последние семь лет? Имеется ли на этот мой вопрос разумный — я подчеркиваю, разумный, — ответ, или такового не имеется?

По-видимому, такового не имелось, ибо Каскет и Мендес продолжали молча обмениваться ходами. Луна, наконец, очистилась от туч, и вновь красный её свет залил площадку.

— Имеется! — торжественно вскричал Хейзинга, самолично отвечая на собственный вопрос. — Этот замок — Замок Безумцев. Он необитаем, если, конечно, не называть обитателем мага. А уж с ним не захотел бы встретиться никто, уверяю вас!

— Да уж, — согласился Намордник Мендес. — Никто, это точно. Даже я.

— А что за маг? — поинтересовался Каскет. Игра немного утомила его, и он был рад возможности перевести дух.

— Милый мой, — почувствованно положил руку ему на плечо Хейзинга. — Никто не знает его имени, ибо он не выходит из своего замка много лет, а за этот срок прозвание, если таковое и было, забылось. Но он там есть, и это доказывается хотя бы тем, что последний вор, тот, что был здесь семь лет назад, обратно к нам не вышел. Так что ты — очередная пожива этого старого хитреца.

— А, — спросил Каскет, — Сажка Вельзевула всё ещё там?

— Там, — печально кивнул Намордник Мендес, украдкой плутуя. — Но и колдун — тоже там.

— А как он выглядит?

— Кто? Камень?

— Нет. Колдун.

— Это длинный ужасный старик с пустыми белыми глазами и в балахоне, испещрённом таинственными символами.

— И больше никого в замке нет?

— Он надеется, — сказал Мендес Хейзинге. — Он еще на что-то надеется. Молодец. Я бы так не смог.

— Там один колдун, — произнёс Хейзинга, звеня своим париком. — Раздать ещё раз?

— Не надо, — поднялся Каскет. — Я иду.

— Давай, давай, — сказал Мендес и — Хейзинге: — Смотри, у тебя тузовая упряжка. Проморгал?

— Я всё вижу. У меня цуг, у тебя — карета.

— Ну-ну. Только вот бамбары пока ещё нет.

— Нет — так будет.

Когда Каскет входил внутрь замка, последними словами, им услышанными, были:

— Итак, на повестке ночи — определение бамбары. Первое: игра...

Внутри замок был тёмн. Начинаясь в сравнительно малом холле, вверх разбегалось множество лестниц. Лестницы были узкие, и казалось, что где-то наверху они переплетаются друг с другом, образуя огромный, запутанный узел.

— Ку-ку? — сказал Каскет. Ответа не последовало. Он потоптался на одном месте и решил подняться по той лестнице, которая была прямо перед ним. При этом он старался идти тихо, ногами не шаркать и не хрустеть суставами.

Лестницей, по которой он поднимался, вдавние времена пользовались часто: камни её ступеней были сглажены и отшлифованы когда-то ногами многочисленных гостей. Но сейчас она явно не использовалась: на ней лежала пыль и тлен веков.

Преодолев последнюю ступеньку, Каскет оказался перед низкой железной дверью. Над нею длинным медным гвоздём был приколочен растрескавшийся человеческий череп. Замка в двери не было. Каскет вытащил из кармана длинную деревянную щепку и сунул её в тёмное глубокое отверстие, зияющее в двери, словно голодный распахнутый рот. Раздался звучный хруст, и дверь начала отворяться.

Каскет вытянул щепку обратно: около половины её было словно начисто отъедено. Конечно же, не стоило удивляться хитрости волшебника. То ли ещё будет. Просто так можно было легко лишиться и руки.

Внутри было тёмно. В маленькой комнате с полукруглыми сводами в мутных тиглях рычало белое острое пламя, играя чёткими геометрическими тенями по стенам. Всё остальное тонуло во тьме. Пахло серой и ещё чем-то — очень неприятно.

На первый взгляд комната казалась несобитаемой. Каскет так и решил. Он неспешно вошёл внутрь и подошёл к выступившему из тьмы столу, заваленному свитками, заставленному пустыми ретортами, засыпанному шкурками неизвестных животных и птичьими черепами, заляпанному разноцветными кляксами от едких кислот и пахучих жидкостей. Камень тоже был здесь, в соседстве с рыжим огарком свечи и двумя общипанными перьями: чёрный отшлифованный опал в золотой корзинке, сделанной в виде гнезда феникса. Каскет, довольный, протянул руку, чтобы взять его.

— Вор!

Каскет оглянулся. Из тёмного угла с лежанки, которую трудно было заметить с первого взгляда, смотрел на него пустыми белыми глазами старик со спутанной бородой и в балахоне, испещрённом таинственными символами. Некоторое время они молчали, глядя друг на друга.

— Тайна жизни, — наконец произнёс старик, продолжая неподвижно смотреть на Каскета. — Никому не удавалось постичь её, разве только древним. Но они мертвы. Ты вор.

— Не буду отрицать, — с поклоном произнёс Каскет.

— Да падёт на тебя столбняк до тех пор, пока не скроется за тучами лик луны, — молвил маг, и на Каскета пал столбняк. Он застыл на месте, не моргая и не двигаясь. Только глаза его обежали всю комнату и вновь остановились на старике.

Голова колдуна упала на подушки. Он устало закрыл глаза и прошептал:

— Неистовые деяния моей жизни не дают мне спокойно уйти в другой мир. Довлея надо мной, они вынуждают оставаться здесь, пребывая в брэнной оболочке тела и скорбя о прожитом. Знание тяготит меня, вор. Страшные тайны известны и подвластны мне, ибо в своем добровольном заточении я не терял времени даром, проникая за древние завесы прошлого. Ты содрогнешься, услышав мои слова.

Каскет молчал — принуждённый заклятием.

— Тайна Бога, — говорил старый чернокнижник. — Чего только не отдали бы некоторые, чтобы узнать её. Я же постиг эту тайну. Ты тоже узнаешь её сейчас.

Луна продолжала мертвенно сиять.

— Есть условие. Узнавший тайну должен передать её другому, иначе не покинет этот мир. Шесть лет я томлюсь на этом жёстком ложе и семижды семь раз пожалел уже, что убил того последнего вора, который пришёл сюда, чтобы украсть мой драгоценный опал. Моя душа давно горела бы в аду, но сколь слаще для меня котёл с кипящей серой в сравнении с этим неудобным ложем. Ты воспримешь мою тайну, а я уйду, ибо устал. Ты согласен? Но ты не можешь ничего сказать, связанный заклятием.

Он хотел сказать что-то ещё, но в это время тучи внезапно наполнили на луну, и она перестала расточать свой тревожный свет. Заклятие спало с Каскета. Он выдернул свой меч. Волшебник говорил, закрываясь бессильными руками, но Каскет махнул мечом, и голова мага покатилась по полу. Из разрубленной шеи не вытекло ни единой капли крови. Голова подкатилась к столу и утонула на Каскета ненавидящими глазами.

— Может, так тебе станет легче? — съязвил Каскет и, схватив чёрный опал, сунул его к себе за пазуху. Голова внизу что-то пробормотала.

— Что-что? — спросил Каскет, склоняясь к ней и прикладывая ладонь к уху. — Ты что-то хочешь сказать?

На него упала тень. Он медленно поднял голову и увидел, что над ним возвышается нечто, стоящее на ногах, оканчивающихся двойными копытами. Оно было рогато и чёрного цвета.

— Боги Пора! — проблеял Каскет севшим голосом.

Нечто заговорило голосом мягким и приятным:

— Как ты повелишь казнить его, господин?

Голова на полу что-то хрипло выкрикнула.

— Я понял, господин. — Демон поклонился. Подняв недовольную голову волшебника, он бережно положил её рядом с телом, беспомощно шарящим руками. Затем повернулся к дрожащему Каскету.

— Пойдём, — сказал он, и Каскета схватило за шиворот, головой вперёд протасило в узкое окно, ободрав одежду, стремительно-мгновенно пронесло по воздуху, и в ту же секунду он обнаружил, что висит на грубом деревянном кресте, а его руки и ноги крепко привязаны к перекладинам. Крест стоял как раз на опушке того самого леса, который находился недалеко от Замка Безумцев и который путники старались обходить стороной. Низкое небо было мрачно. Над стоящим в отдалении замком на фоне багрового круга луны кружили чёрные силуэты огромных птиц.

До Каскета донёсся смех. Внизу, под крестом, стоял демон, принёсший его сюда.

— Если ты волшебник, — глумливо произнёс он, — сойди с креста!

С этими словами демон показал Каскету чёрный опал, темнеющий в его правой руке, и исчез.

Луну в очередной раз закрыло тучами. Пошёл холодный дождь, ледяными струями окативший Каскета с головы до ног. В лесу рычали — не по-человечески и не по-звериному. Зловещие молнии полыхали над мрачным замком.

Каскет в отчаянии задрал голову к неприступным небесам.

— Лама савахфани! — завопил он.

ГЛАВА 2

Каскет висел на кресте, и в голове его проносились мысли, чистотой своей и чёткостью сравнимые разве только с алгебраическими формулами:

“Холодно если не удастся слезть с креста погибну замерзну верёвки остановят кровообращение и тогда всё конец лес рядом звери хищные хищные птицы другие тоже хищные сожрут надо же было попасть в такую дурацкую передрагу опал пропал смотри-ка рифма дорога правда рядом но что толку никто по ней не идёт путники путники не оставьте меня здесь холодно холодно холодно”.

В лесу раздавались шорохи и хруст ветвей, мелькали светящиеся нехорошим вождением глаза. Внезапно он услышал шаги. По дороге, слабо виднеющейся в темноте, торопливо двигалась фигура в капюшоне.

— Добрый человек, — взмолился Каскет с высоты своего креста, — помоги мне, и я клянусь, что отплачу тебе сполна за это доброе дело.

Человек остановился, с сомнением оглядывая высокий крест.

— Это слишком трудоёмко, — сказал он хриплым голосом. — И потом, откуда мне знать, может, ты опасный разбойник, распятый здесь за свои мерзкие преступления, и освободив тебя, я подвергнусь большому риску?

— Клянусь тебе, — вскричал Каскет, — я мирный человек и терплю над собой надругательство исключительно за незлобивый и добродетельный свой нрав. Спаси меня, и будешь вознаграждён.

— А может, — продолжал вслух размышлять человек, — ты закоренелый грешник, и такое времяпровождение тебе только на пользу? Тогда снять тебя с креста значит навлечь на себя твои же тяжкие грехи, а я законопослушный и искренне верующий человек.

— Добрый странник, — сказал Каскет, — поторопись, ибо я вижу, что вышел на опушку большой сируйт и ощерил свою громадную пасть. А мне очень не хотелось бы попасть туда.

Человек внизу решил.

— Лучше я оставлю тебя здесь, — пробормотал он, собираясь идти дальше.

— Человеке, — заорал Каскет, страх которого достиг своего предела, — остановись! Ибо ты бросаешь жертву на произвол хищных бестий. Я дам тебе всё, что имею.

Человек приостановился.

— А что ты имеешь?

— Я владею землёй, золотом, — начал перечислять Каскет, со страхом видя, что сируйт приближается к ним, — драгоценными камнями невиданной огранки, великолепными тканями, шитыми серебром, мягкими, как серый дым на ветру, прекрасными женщинами с гладкой смуглой кожей и загадочными глазами...

— Подожди, — торопливо произнёс человек, бросаясь развязывать путы Каскета. — Хотя я и сам богат, но, видно, есть на свете люди и побогаче меня. Только поклянись, что дашь мне всё, что перечислил.

— Клянусь фаллосом Тука, бога стрекоз, — пылко произнес Каскет.

— Тогда пойдём. Ибо ночь и непогода застигли меня в пути. Хотя, думаю, ты не будешь клясть судьбу за это.

И они пошли по дороге, уводившей их прочь от замка. Каскет, продрогший и разминающий свои члены, затёкшие от долгой пытки на кресте, непрестанно оглядывался. Ему казалось, что сируйт следует за ними, принохаясь к их запаху. Но в это время он сам почувствовал зловоние.

Так пахнуть мог только сируйт. Каскет отшатнулся от своего ничего не подозревающего спутника и стал ступать по возможности тише. Зверь был рядом, и это пугало его ещё больше, чем долгое висение на грубом, нетёсанном кресте. Внезапно возле него сверкнули глаза чудовища, и тяжкое тело навалилось на спутника Каскета.

— Во имя всего сущего, — закричал тот, — помоги мне! Ибо ужасный сируйт напал на меня в ночи.

— Постой, — глубокомысленно проговорил Каскет. — А что ты мне дашь за это?

— А-а! — вопил путник, погибая в зубах сируйта.

— Ты не очень-то многословен, — недовольно констатировал Каскет, собираясь идти. — Ради спасения своей жизни можно было бы сказать на пару слов больше. Но я уже ухожу. Говори скорей, не испытывая моего терпения далее.

— Я дам тебе земли, золото, драгоценные камни невиданной огранки, великолепные ткани, шитые серебром, лёгкие, как серый дым на ветру...

— Где-то я это уже слышал, — пробормотал Каскет, быстро уходящий на юг.

Он пришёл в город Ыбдуз, в котором никогда ещё не бывал, но

слышал, что здесь живут люди простодушные и бесхитростные. Каскету всегда нравились такие люди, умилявшие его своей честностью и верой в высокие идеалы. Поэтому он без колебаний решил остановиться здесь — в надежде разжиться хоть малой толикой денег, так как опал остался у хитрого старого колдуна, а возвращаться в замок снова Каскету вовсе не хотелось.

Он ввалился в первую попавшуюся таверну, дом с толстыми каменными стенами и непристойными картинками над грубо сколоченными столами, и потребовал себе комнату и ужин, потому что был ужасно голоден — недавняя переделка возбудила в нём зверский аппетит. Служанка внесла ужин — хлеб, холодное мясо и кувшин пива, — и Каскет, поужинав, крепко уснул.

Наутро он отправился осматривать город. Ыбдуз был город большой, но небогатый, что соответствовало характеру его жителей, промышлявших земледелием и разведением скота. Вдобавок он лежал далеко в стороне от торговых путей, редкие караваны заходили в него, чтобы проследовать на местный рынок, и их нечастым визитам отнюдь не способствовало то, что окрестные леса кишели разбойниками, хищными сируитами и злыми колдунами, наславшими чёрную порчу. Сами же местные жители почти все без исключения были людьми отталкивающего обличия, страдающими разными физическими недостатками, и многие из них в полнолуние обращивались волками и страшными ящерами. Но, в общем, это были добрые и гостеприимные люди.

Толпа этих людей окружила Каскета на большой рыночной площади, куда он забрёл, будучи по натуре человеком любознательным. Такое поведение Каскету совсем не понравилось. Ещё секунду назад люди вокруг него были поглощены своими собственными делами, заключающимися в том, чтобы похитрее надуть друг друга или стянуть то, что плохо лежит, и вдруг немая, но недоброжелательно настроенная толпа окружила его сплошным кольцом. Люди Ыбдуза молча и явно враждебно изучали Каскета.

Наконец один из них, высокий человек с чёрной дырою вместо рта, сказал:

— Откуда ты, чужеземец, и расскажи нам также, чем ты занимаешься.

— Человек я мирный, — ответил ему на это Каскет, — иду к святым местам храмов Нергала и Сотота — кормиться подаванием. Любитель тихой душевной беседы и восторженный созерцатель чудес природы, кои являют нам справедливые и неусыпные боги.

Люди Ыбдуза с сомнением оглядели его.

— Нергал и Сотот весьма почитаемы в нашем городе, — сказал кто-то, — но вокруг в лесах обретаются кровожадные и лютые банды разбойников. Ты не из их ли числа?

— Нет, нет, — горячо запротестовал Каскет. — Я не могу даже помыслить об убийстве — это приводит меня на грань червонного припадка, и я начинаю трястись и дрожать, словно осиновый лист на холодном осеннем ветру.

— А как ты относишься к детям? — спросили его.

— Дети, — сердечно произнёс Каскет, — единственная отрада моей отнюдь не достойной примера жизни, наполненной скверной и грехами. Эти божи создания своим невинным лепетом и сиянием восторженных глазёнок исцеляют мою душу, раненную мерзостями мира, и мне

начинает казаться, что посредством этого я становлюсь ближе к небесам.

Жители города после этой речи восторженно зашумели. Их подозрительность как рукой сняло.

— Он — то, что нам нужно! — вопили в толпе женские голоса. — Он спасёт их! Скажите же ему! Скажите!

Каскету сказали. Оказалось, вот уже долгие месяцы город терроризировали компрачिकосы. Никто не знал, сколько их, но судя по тому, что недосчитались многих детей, компрачиковосов вокруг города тоже хватало. Это были остроумные компрачикосы: они прислали бургомистру записку, в которой просили не обвинять их во всех смертных грехах и благодарили за детей, кои оказались такими же уродливыми, как и их родители, что значительно упрощало труды компрачиковосов по превращению детей в карликов и других столь же потешных созданий. Записка была торжественно сожжена на городской площади, а город объявил компрачиковосам беспощадную войну. Причем жители Ыбдуза вовсе не отличались большой любовью к своим отпрыскам. Скорее тут имел место вопрос охотников и дичи, а дети значили здесь не больше, чем неизбежная причина конфликта. Кто-то высказал предположение, что объявился новый гаммельнский крысолов, но предположение с великим гулом и негодованием было отвергнуто, ибо родителями пропавших детей категорически опровергалось даже какое-либо отдалённое сходство их чад с непотребными гаммельнскими грызунами. Однако дети продолжали пропадать. Бургомистр города, худой паралитик в кресле-каталке, затесавшийся здесь же в толпе, обратился к Каскету:

— Чужеземец! Наш город небогат, и даже можно с уверенностью сказать, что город наш просто беден. Но мы с радостью дадим тебе некоторое количество денег, лишь бы ты нашёл нам наших детей. Ибо они — наше счастье, а счастье, можно сказать, из рук выпускать нельзя.

На что Каскет ответил, что с удовольствием готов помочь. Ему тут же была вручена достаточно солидная сумма, которую Каскет с внутренним ликованием и принял. Несколько благодарных донельзя женщин чуть не подрались друг с дружкой за право предоставления ночлега новоявленному спасителю детей, но тут вперёд вышла девушка, выгодно отличавшаяся от спорщиц и лицом, и фигурой, и Каскет поспешно выбрал её дом для предстоящего почтения. Спорящие с неохотой и завистью проводили их взглядами, и толпа быстро разошлась.

Дом девушки, которую звали Нонией, был чист и пуст. Хозяйка молча пригласила Каскета внутрь, молча подала ему обед и молча удалилась.

Каскет услышал звук льющейся воды: было похоже на то, что хозяйка принимала ванну. С удвоенной энергией он проглотил свой обед, и в это время Нония появилась в комнате. Они возлегли на её невинное девичье ложе и проделали ряд несложных телодвижений, которые до того понравились им обоим, что всё оставшееся время дня и всю ночь они занимались тем же.

Утром, как только рассвело, Каскет с некоторым сожалением посмотрел на спящую Нонию и вышел из дома. Его путь лежал за стены города, к густым и неприветливым лесам, состоящим по большей части из грабов, дубов и чинчуйских секвой. Солнце только встало, небо

было серо-розовым, и по нему плыли облака, напоминающие своим видом спаривающихся животных. Птицы только начинали петь свои утренние песни, которые вскоре ненавязчиво превратятся в дневные, а потом в вечерние, к ночи совершенно стихая, — к великой радости невольных слушателей.

Немного поблуждав по лесу, Каскет встретил одинокого дровосека.

Он спросил его, где здесь обитают компрачикосы, и дровосек подробно объяснил, где они обитают, что делают сейчас и чем занимаются вообще.

Попутно он также внятно и многословно изложил свои собственные взгляды на их деятельность, а также на то, почему он, зная их местоположение, до сих пор не сообщил куда следует. Последнее вышло у него достаточно невнятно и неубедительно. Каскет поблагодарил его и пошёл по указанной честным тружеником тропе, которая привела его вскоре к длинному каменному строению с крошечными оконцами и дверью, сделанной из цельной гранитной плиты. На строении было написано: "Компрачикосы. Мастерская. Вход слева". Возле указанного входа Каскета встретил улыбчивый толстячок с выпученными блёклыми глазами, и они, немного помедлив от первоначального изумления, бросились затем друг к другу в объятия. Произошёл некий быстрый и малопонятный разговор, в котором вспоминалось прежде и нещадно клялось нынешнее, а затем толстячок, звавшийся Воозом, пригласил Каскета в дом. Здесь Каскет был представлен второму компрачикосу, Ипсиланти, сухопарому и жёлчному типу со вставными железными зубами. Ипсиланти был специалист по приданию нужных форм. Каскет удивился, что компрачикосов всего двое, а также тому, какими хитроумными и осторожными способами те выкрадывали детей у тупоголовых жителей Ыбдуза. Вооз подмигивал и вопил, что это — секрет производства, и что тут ничего не поделаешь, хоть Каскет и старый друг, но тайны ремесла — это тайны ремесла, извинаясь. Ипсиланти взвизгивал каким-то особенным смешком и блестел своими зубами. Каскет витиевато высказался в том плане, что, не ожидая ничего от такого неприятного во всех отношениях поручения, он встретил внезапно и вдруг двух старых друзей, а это уже радость и, если не бояться этого слова, даже счастье. После этих слов двое компрачикосов окончательно проицклись к нему пылкой и многословной симпатией.

Потом пошли смотреть воозовских подопечных. Те размещались в большом помещении, которое на первый взгляд было похоже на мастерскую горшечника. Тут и там стояли большие кувшины, из которых торчали детские головы, остриженные наголо. Некоторые головы спали, другие тарачились на вошедших круглыми испуганными глазами. Каскета разобрал смех, и он согнулся вдвое. Ипсиланти начал объяснять, какие уродцы получаются из тех, что в горшках, и какие пользуются спросом, служа для потехи местным князьям и прочим аристократам.

— Мы копим, — пояснил его слова Вооз. — Надо расширять производство, усиливать темпы, заменить устаревшее оборудование. Появилась конкуренция. С такими моделями сейчас много не заработаешь. Методы, которыми мы пользуемся, также безнадежно устарели. Но не ломать же им кости молотками!

Каскет, понимая справедливое возмущение Вооза, смеялся.

— В знак нашей старой дружбы, — наклонился к нему Вооз, — дарим тебе любого... да хотя бы этого, он как раз готов для продажи. Учти, просить за него следует не меньше пятисот оболов. И то этого будет мало, ибо те труды, которые мы положили на него, тянут на всю тысячу.

— Отлично, — сказал довольный Каскет, осматривая товар. — Ну, приятно было поведаться.

— Ты куда идёшь? — спросил Ипсиланги.

— Перевалю через горы, а там видно будет. Хочу пойти сейчас, потому что, как мне показалось, местные жители производят впечатление людей хоть и недалеких, но весьма быстроногих.

— О да! — заулыбался Вооз. — Но ты же от них уйдёшь?

— О да! — заулыбался и Каскет.

Компрачикосы снабдили его плетёнкой вина и некоторым количеством съестных припасов, и Каскет отправился в путь, захватив с собой мальчика лет десяти — карлика с непомерно большой головой и носом, набрякшим какой-то тёмной жидкостью. Так как Каскет отправлялся в путь без денег, то ему требовалось побыстрее сбыть свой товар, а потому он зашёл в один большой и богатый замок, где карлика приобрели у него за восемьсот оболов. Больше получить не удалось, хотя Каскет долго и упорно торговался, отстаивая каждый грош и нудно перечисляя все достоинства своего спутника. Но ему удалось ещё кое-что выжать из представившейся возможности, переночевав в замке и стянув несколько мелких, но ценных безделушек, отсутствие которых обитатели замка, люди богатые и немелочные, заметят нескоро. В полдень Каскет двинулся в путь по седой от выпавшей за ночь росы долине к серым горным цепям вдалеке.

ГЛАВА 3

"Муза скажи мне о том многоопытном муже который боги Пора он настагает мчится словно молния вот уж не ожи... оп хоп ямы какие глубокие коряги чёрт бы их побрал оп взобраться бы на гору а там оп-па чёрт ямы а там я в безопасности меч потерял нет не по... оп нет не потерял слава небе..."

Каскет бежал по светлой берёзовой роще, ловко прыгая через коряги и глубокие ямины, а следом за ним скакало, сопя и взрывая землю короткими толстыми ногами, опасное чудовище бинфэн. Обе головы его, расположенные спереди и сзади мускулистого кабаньего туловища, покрытого короткой лоснящейся щетиной, громко хрюкали от возбуждения. Они бежали так довольно долго, и только недостаточная для быстрого бега длина ног бинфэна до сих пор спасала Каскета. Но бинфэн был упорен в достижении своей цели — сожрать Каскета, а Каскет уже порядком устал. Где-то по дороге он потерял пояс, в котором хранились все его вырученные деньги, и это отнюдь не придавало ему сил. Как назло, берёза — дерево не очень-то удобное, чтобы мигом взобраться на него, не обладая цепкими когтями, а потому Каскета могла спасти только виднеющаяся немного впереди гора — преддверие вечного льда, снега и разрежённого воздуха.

Роща, как мельком успел заметить Каскет, не была необитаемой.

Когда они с бинфэном с шумом пронеслись между прямых и белых древесных стволов, ломая и приминая кустарник, по сторонам мелькали некие плохо различимые фигуры в зелёных колпаках. По-видимому, это были альрауны. В одном месте одна такая фигура с белой бородой и с топором в руке восхищённо заулюлюкала им вслед, и радостно захрюкала ей в тон головы бинфэна.

Роца вплотную примыкала к каменистому боку горы, уходящему вверх, словно ступени гигантской лестницы. Каскет с ходу запрыгнул на первые исполинские валуны и быстро начал взбираться вверх. Но и бинфэн не отставал. Он проявлял чудеса прыти и ловкости — видимо, был сильно голоден. Так они молча, с сопением карабкались, некоторое время, пока, наконец, Каскет не заметил сбоку от себя вход в пещеру, возле которого толпились какие-то карлики в оранжево-бурых плащах. При его приближении карлики резво исчезли в недрах горы, а вход закрыла большая бронзовая дверь с четырьмя наклёпанными сверху железными полосами. Каскет не раздумывая налёг на эту дверь плечом, и она утробно скригнула. Бинфэн уже был где-то рядом: слышалось его шумное похрюкивание. Каскет налёг сильнее. За дверью завозились, и чей-то голос сипло прокричал:

— Эй! Ты сейчас нам дверь выломаешь, дурило!

Каскет с руганью пнул дверь, вызвав поток ответной ругани, и, путаясь в изодранном плаще, начал карабкаться на почти отвесную стену возле пещеры. Ему удалось залезть на скальный козырёк, нависающий над бронзовой дверью. Здесь он устроился и с любопытством стал ждать появления бинфэна. Тот себя ждать не заставил. Он тяжело дышал, отдувался и оглядывал окрестности двумя парами налитых кровью глазок, тщаься найти Каскета. Каскет, сидя на козырьке, с помощью специальных упражнений привёл в порядок дыхание, потом крикнул бинфэну:

— Наверх посмотри. Что, спал? А ты постучись вот в эту дверь. Или не открывают?

Бинфэн с радостным хрюканьем устремился к двери, одним ударом вышиб её и скрылся в недрах горы. Из темного лаза послышались громкие воли. Каскет с удовольствием прислушался к ним, ещё немного передохнул и полез дальше вверх.

Когда он достиг вершины горы, его глазам представился грандиозный вид громадного хребта, частью которого, как оказалось, и была гора. Вид был — точно на плоском белом чертеже, потонувшем в прозрачном мареве облаков, что особенно подчёркивало геометрические пропорции открывшегося пейзажа: чёткие треугольники пиков, устремляющиеся вверх, округлая бесконечность туманных бездонных пропастей, трапеции пиков поменьше, которым будто не хватило сил дорасти до своих громадных братьев, сравняться с недосыгаемыми треугольниками; многогранные горных цепей, закидывающих сети своих скал далеко к сердцу мирных зелёных долин. И над всем этим ровным и сверкающим кругом — символом вечной бесконечности — висело холодное горное солнце. Вершина горы была плоской и каменистой, только в дальнем углу её, на маленьком клочке земли, росла старая ель, у корней которой журчал пробивающийся меж камней слабый ручеёк. Под этой елью толстый старик по имени Лаглас лепил из влажной земли глиняного голема.

Когда на вершине показался Каскет, утомлённый, испарипанный и

в изодранном плаще, Лаплас уже заканчивал свой труд.

— Собственно, я уже заканчиваю свой труд, — сказал он подошедшему Каскету, который жадно приник к воде ручейка, а потом, напившись, устало присел на камни у корней дерева. — Правда, остались кое-какие детали... нос... глаза — вместо них я вставляю вот эти два камешка, правда, красивые?... рот... у-у, какой большой, в него поместишься даже ты...

Взгляд старика скользнул по Каскету.

— Давно лепишь? — спросил тот, отдышавшись.

— Давно, давно. Как создан мир.

— Да, давненько, — согласился с ним Каскет. — Что там вдали, за этими горами?

— Страны.

— Это хорошо. А то я думал было, что горы эти никогда не кончатся.

— Всё кончается и заканчивается. Всё начинается и зачинается. Всё претворяется и притворяется.

— Вода в твоём роднике вкусная.

— Обычная вода. Вода жизни.

— А.

Ель шумела ветвями. Было прохладно.

— Всё. — Лаплас долепил своего истукана. — Теперь самое главное и самое важное. Теперь надо его оживить. Поможешь?

— А почему нет? — бездумно согласился Каскет.

— Сначала нужно узнать текущее имя бога, — наставительствовал Лаплас. — Но какое? Текущих имен также — великое множество. Затем — кровь. Нужно сбрызнуть кровью голову голема. Можно, конечно, этого и не делать. Но лучше сбрызнуть. Тогда он будет прямо как человек.

— Где ты найдёшь здесь кровь? — наивно спросил Каскет.

— Они растут быстро, — говорил старик. — За неделю вырастают до громадных размеров. Конечно, риск. Но зато сколько возможностей! Имя бога может быть совершенно неизвестным, иным словом, ещё неслышанным доселе этим миром. Попробуем?

И они стали изошряться в произнесении невнятных и чуждых разуму словес, каждое из которых по своему звучанию чем-то роднилось с шумами, по временам издаваемыми органами пищеварения. Сначала Каскету это нравилось, но затем порядком наскучило. Он сильно проголодался и устал. Отойдя от Лапласа, который продолжал что-то бормотать и выкрикивать, Каскет сел возле родника и задремал.

Разбудил его звук голоса Лапласа, который произнёс что-то вроде очередного "грмрдр", и последовавший за этим странный шорох. Он открыл глаза и увидел, что голем больше не походит на серую бесформенную глыбу затвердевшей глины, но более похож на облепленного влажной почвой человека, правда, немного уродливого. Глаза-камешки его странно блестели, а руки были разведены в стороны. Но что самое главное, в правой руке его был меч, и этим мечом голем описывал угрожающие круги, направляясь к Каскету. Лаплас за спиной голема тихонько хихикал и довольно потирал руки.

— Вот видишь, — крикнул он Каскету. — Мне удалось узнать текущее имя. А теперь ты узнаешь, чья кровь необходима моему голему для полного его завершения.

Каскет вскочил на ноги и сделал выпад мечом в сторону голема. Тот ловко отскочил. Лаплас прыгал и громко смеялся. Каскет и глиняное порождение магии закружили друг против друга, обмениваясь частыми ударами. Голем двигался упруго и ловко, тогда как уставший после длительного подъёма Каскет был не в форме и скоро понял, что если поединок будет продолжаться так и дальше, он действительно быстро узнает, чья же кровь нужна для полного завершения голема. Тот обрушился на него с новыми силами, которых, судя по всему, было ещё много, и ослепил сериями эскапад и туше. Каскету пришлось плохо. Он кое-как сумел отбиться, не обращая внимания на издевательский смех творца голема. Затем прыгнул за большой камень, выигрывая время. Голем на секунду потерял ориентацию. Они стали ходить вокруг камня, время от времени обмениваясь ударами. Каскет пока думал.

— Всё по правилам! — вопил Лаплас. — Всё по правилам!

Судя по всему, он был в восторге.

Не придумав ничего лучшего, Каскет стал подбирать с земли увесистые булыжники и метать их в своего противника. Эта прогрессивная метода вскоре оказала свое действие: один булыжник выбил меч из руки голема, другой раздробил ему живот, а третий, метко запущенный, снёс истукану голову. После этого голем рассыпался, превратившись в кучку серой глины, а улыбка быстро сползла с лица Лапласа.

Каскет крепко связал его и прислонил спиной к камню. В рот Лапласу он засунул кусок своего плаща — дабы старик не учинил ещё какого-нибудь злонамеренного колдовства. Закончив, отошёл и немного полюбовался на плоды своих трудов. Затем вытащил меч.

— Блаженны идиоты, — произнёс он, — ибо их есть царствие небесное. Блаженны тупые ублюдки, ибо они соль земли. Блаженны нелепые ханжи, ибо они бога узрят. Блаженны гонители и мракобесы, ибо они — свет мира. Блаженны вечно алчущие и жаждущие чужого, ибо они насытятся. Блаженны нечистые душой и осквернённые пороками, ибо они наследуют землю. И если просто изречёшь: "да, да" или "нет, нет", то это от лукавого. И если правый глаз соблазняет тебя, соблазнись, ибо не причинишь так себе вреда. Ты слышал, что сказано: "Око за око, зуб за зуб"? И я говорю тебе: воистину!

С этими словами он кончиком своего меча сделал несколько аккуратных надрезов на теле Лапласа в месте залегания крупных сосудов и с минуту с удовлетворением смотрел, как кровь вымывает из колдуна жизнь, орошая землю и одежду тёмно-красным. Потом Каскет ушёл с этого места.

Когда же сошёл он с горы, за ним не следовало множество народа.

ГЛАВА 4

Каскет шёл по узкой, извилистой горной тропинке, и яростный ледяной ветер сшибал его с ног. В горах была непогода. Временами, когда не было ветра, откуда-то снизу наползал парной, промозглый туман, в котором невозможно было дышать, и тогда и тропа, и горные пики вокруг переставали быть видны. Потом, внезапно, туман разгоняло резким ветром, который принимался завывать в камнях и тёмных

отверстиях гротов. Этот визг был неприятен на слух, особенно для Каскета, слушающего его вот уже двое суток. Двое суток он пробирался через горные цепи, одолевал крутые заснеженные перевалы, попадая то в утомительно жаркие долины с вязким неподвижным воздухом, то на пронизывающе-холодные вершины. Он измотался и похудел, но не потерял присутствия духа. Сейчас, правда, в голове его была сплошная мешанина и бардак, но в тумане не важно думать — важно не потерять тропу под ногами и не сбиться с пути.

Два раза ему казалось, что за ним кто-то следит, и оба раза так оно и оказывалось. Один раз горный великан-ётун, притаившись за утёсом, попытался схватить его своей громадной лапишей, но Каскет юркнул в узкую расщелину и дождался, пока ётун укывлял прочь. В другой раз целая орава скальных троллей высыпалась на него откуда-то сверху. Трех он сбросил в пропасть, остальных преследовал до тех пор, пока не убил одного. Им Каскет поужинал. С тех пор в его желудке не побывало ни крошки, и Каскету ничего не оставалось, как брести в поисках безопасного и относительно тёплого ночлега.

В этих горах полновластным владыкой был Рюбецаль, хозяин горной непогоды и обвалов. Предполагалось, что Рюбецаль хорошо разбирается в людях, ибо всегда делит их на хороших и плохих — весьма поверхностное и несправедливое определение.

Когда Каскет, чудом увернувшись от очередного обвала, ступил на шаткий свайный мостик, пролётший над головокружительной пропастью, сзади из тени вынырнула фигура серого монаха. Холодные узловатые пальцы легли на руку Каскета.

— Ночлег, — пояснила фигура. — А мостик этот тебя не выдержит.

И Каскет послушно последовал за монахом, уныло размышляя, что вот, очередная ловушка какая-то, да не всё ли равно, ночевать негде, и вскоре оказалась в великолепных подземных чертогах. С потолка свешивались сталактиты самых невероятных конфигураций, камень стен сверкал мириадами оттенков, а потолок поддерживали прямые и толстые, будто гигантские свечи, сталагмиты. В глубине зала возвышался красивый резной трон, сделанный из драконьего черепа, и на этом троне сидел провожатый Каскета.

— Приветствую тебя, Рюбецаль, — церемонно поклонился Каскет. — Прости, что я в такой затрапезной одежде: увы, я не знал, что меня ожидает визит в твои подземные чертоги.

— Не беспокойся, — произнёс Рюбецаль звучным голосом. — Давно уже у меня никто не бывал, а если бы ты увидел моего последнего гостя, то задрожал бы от ужаса. Но приблизься, ибо тебя ждёт угощение.

Это было кстати. Каскет мигом оказался за столом, внезапно появившимся ниоткуда и заставленным великолепными яствами.

— Тебе налить этого вина? — для вежливости осведомился он с набитым ртом, показывая на кувшин.

— Нет. Ты знаешь, я не пью.

— Я этого не знал. Извини.

— Ты уже давно идёшь по моим горам, — сказал Рюбецаль, когда желудок Каскета более или менее удовлетворился объёмом втиснутой туда пищи. — Куда?

— Туда.

— Понятно. Это хорошее и полное объяснение. Но все-таки нельзя ли поподробнее?

— Я иду к Товне, — сказал Каскет. — Но, может, по пути раздумаю и направлюсь куда-нибудь ещё.

— Ну, будем пока придерживаться этого. Здесь редко ходят путники, поэтому ты был замечен.

— Немножко шалили ётуны и тролли. Но это не слишком важно

— Отраднo, что ты пришёл к такому заключению. Люди боятся ходить по моим горам — чувствуют опасность, а я лишь поддерживаю слухи. Нехорошо, когда у моего народа появляется дополнительный стимул охотиться за людьми.

— Все вы здесь отличаетесь редкой любознательностью, — проворчал Каскет. — Только ты один удосужился поинтересоваться, что я за человек, а не сколько я вешу, достаточно ли жирен и помещусь ли в котёл целиком или по частям.

— Да, мой народ не вполне цивилизован, — сокрушённо подтвердил Рюбецаль.

— Если ты это называешь "не вполне", — обиделся Каскет, — то тогда я — Сууша, легендарный просветитель людей.

Рюбецаль сошёл с трона и остановился возле одной из колонн.

— Вот никак не определю, что ты за человек, Каскет, — сказал он. — Я привык судить о человеке с первого взгляда. Тебя же мне не удаётся подогнать под определённые мерки. Ты весь какой-то изменчивый, мерцающий, как радужная плёнка на воде.

— Не суди, да не судим будешь, — поднял палец Каскет. — И каким судом будешь судить, таким будут судить и тебя.

— Брунду говоришь, — поморщился Рюбецаль. — Все вы, люди, болтаете что ни попадя, а сами делаете себе же поперёк. Вот ты, например, — не суди! Вздор! Все судят друг о друге, причём судят зло, пристрастно, явно добра не желая и не боясь, что о них будут судить так же, потому что о них так и судят. Зато извергаются массы слов, тяжёлых и велеlepных, призванных избыть то, чего уже никогда не избудешь. Каскет пожал плечами.

— Ты себя таким не считаешь, — констатировал Рюбецаль. — Но и ты такой же, Каскет. Хотя про тебя этого не скажешь с такой же определённоcтью. Ты всё так же — идёшь к Товне или уже передумал?

— Иду к Товне.

— А я уж боялся, что ты передумал.

— А чего тебе бояться?

— Люди, — пояснил Рюбецаль, — часто меняют свои решения. Это объясняется их недолговечностью и боязнью не успеть.

Каскет промолчал. Он осматривал зал.

— Конец света, — наконец проговорил он.

— Чушь, — тут же отрезал Рюбецаль. — Ещё одна выдумка. Мир рушится постоянно, изо дня в день — где-то старое сменяется новым. А что ещё такое — конец мира? Не бывает — порушилось и всё. Обычно на это место приходит другое, не обязательно новое, прогрессивное и молодое, чаще даже — того же возраста, но — более живучее и умеющее приспособиться. А иногда и новое летит в тартарары, единственно только затем, чтобы уступить место старому — но это старое более приемлемо для мира. Новое не всегда приходится к месту, а старое —

оно как давно притёршийся, удобный чехол, в который можно затолкать весь букет грехов и ошибок и забыть о нём.

— А ты философ. Налить тебе этого вина?

— Я не пью.

— Забыл. Извини.

Каскет отхлебнул из бокала.

— Твоя теория неприменима к богам, — сказал он. — Все обваливается, ползёт, а они — стоят как ни в чем ни бывало.

— Я сам — бог, — услышал он. — Ты удивлён? Не удивляйся. Я тоже старый бог. Но по натуре я отшельник, и потому моя теория скорее всего применима именно к богам. Ты вот говоришь — стоят как ни в чем не бывало. Да не стоит никто! Стоять — это значит почитать в лаврах. Задача богов — не допускать, чтобы порушились их культы. А если, как утверждают некоторые, мир зиждется на богах, то он никогда целиком не обрушится — им это невыгодно. Они зубами и когтями будут держаться за старое, оно им мило и нескучно, оно навевает приятные воспоминания о сотворении мира и тому подобных вещах — любому богу, кто хоть раз в жизни сотворил что-нибудь, всегда приятно вспоминать об этом.

— Твой мир обрушился, — подумав, ответил Каскет.

— Я сам не хотел, чтобы он стоял. И потом — кто сказал, что он обрушился? Вот мой мир — и он стоит.

— Это горы, сюда никто не ходит.

— Дело не в этом. Как там они меня называют? Дух, демон, гений? Низшая мифология. А ведь всё равно — бог. Бог Места, имеющий над ним Власть. Что ещё нужно? Я не тшеславен. Мне не нужна власть над всем миром. Когда я сержусь или не в настроении, в горах непогода. Когда у меня здесь пир, над горами сияет солнце. Понимаешь?

— Абсолютно. Ты очень гостеприимный хозяин.

— Да нет, не очень. Знаешь, как бывает — хозяин-то гостеприимен, а гостей нет. Такая вот история.

— Не расстраивайся. Я разнесу по всему свету, чтобы почаще заходили в гости к Рюбецалю, ибо он — гостеприимный хозяин.

— Не надо, — отнёс Рюбецаль. — Не надо. Будут шастать здесь толпами, пугать троллей, дразнить ётунов, стрелять моих ласок. Меня сердить. Ладно. Ты не передумал? Тебе всё ещё надо в Товну? Снаружи буря, ибо я сегодня не в настроении, поэтому говори, куда тебе надо, и я перенесу тебя туда.

— Мне в Товну, — сказал Каскет. — Спасибо за пищу и кров, Рюбецаль.

И Каскет оказался на пустынной, неприглядной равнине к северу от города Товны.

Возле Товны уже много лет сидел сфинкс, терзающий своими неумными вопросами сначала уши путников, бредущих в город, а буде помянутые путники на эти вопросы не отвечали, то сфинкс терзал их тела, но уже не вопросами, а зубами. Эта же участь предстояла и Каскету. Он подошёл к сфинксу.

— Ты уже был здесь, — приветствовал его сфинкс. — Только в прошлый раз ты сумел ускользнуть от меня, не ответив на мои вопросы.

— На глупые вопросы не отвечаю.

— Те — может быть. Сейчас у меня другие вопросы.

— Пропasti рядом есть? — спросил Каскет.
— Зачем тебе пропasti? — поразился сфинкс.
— Это первый вопрос, — деловито произнёс Каскет. — Моё имя — Эдип.

— Мы так не договаривались, — заюлил сфинкс. — Здесь вопросы задаю я.

— Пока ты ходил вокруг да около, — перебил его Каскет, — выяснял, кто здесь уже был, а кого ещё не было, какие вопросы глупые, а какие нет, я взял инициативу в свои руки. Лучше благодари богов, что тебе попался такой добродетельный человек, как я, а не какой-нибудь шарлатан и краснобай. Вот уж картина, представьте: сфинкс и досужий демагог никак не могут переговорить друг друга.

— Только без фантазий, — строго сказал сфинкс. — Обязательно ведь найдётся такой — давай фантазировать: и то будет так, и это будет эдак, сфинкс и этот дема... ну, в общем, начинаю задавать вопросы.

Он надел очки и выташил бумажку.

— Отвечать быстро, чётко, не раздумывая и без лишних рассусоливаний, — сказал он и задал первый вопрос: — Кто из живых существ утром ходит на четырёх ногах, днём на двух, а вечером на трёх?

— При этих словах сфинкс хитро прищурился.

Возникла пауза.

— Кто-то здесь говорил, что у него вопросы умные, — сказал разочарованный Каскет.

— Извольте отвечать! — грозно рыкнул сфинкс.

Каскет устало помотал головой, закрыл и открыл глаза, потёр лицо рукой.

— Человек, — наконец сказал он. — Расшифровать?

— Странно, — задумался сфинкс. — А я-то думаю, что это у меня в животе бурчит? Давно не ел, оказывается! А всё потому, что вы все умные очень стали! — заорал он сварливо.

— Ты не кричи, — посоветовал Каскет. — Ещё вопросы будут?

Сфинкс достал другую бумажку.

— На этот вопрос ты уж точно не ответишь, — самодовольно заметил он. — Что быстрее всех на свете?

Каскет присел на камень.

— Давай, — предложил он, — я вздремну пока, а ты там поройся в своих бумажках, поищи, может, найдёшь вопрос посложнее. Ну, уж если нет посложнее, то хоть поумнее вопрос, позакковыристее, что ли...

— Да что это такое! — возмутился сфинкс. — Ты отвечаешь или нет?

— Мысль, — сказал Каскет. — Мысль быстрее всего на свете. Но тем, у кого её нет, этого не понять.

— Прошу без намеков, — предупредил сфинкс. — И наконец, — провозгласил он, — последний, самый сложный вопрос.

Каскет приготовился слушать с терпеливым выражением на лице.

— Что не умирает, если даже бывает похоронено в земле?

Каскет поднялся с камня.

— Сначала договоримся, — сказал он. — Если я найду разгадку и для этой твоей шарлады, ты выполняешь любое моё желание.

Сфинкс был вынужден согласиться.

— Мой ответ — семья, — сказал Каскет. — А теперь желание. Когда-то жители этого города или города, похожего на него, — сейчас уже не

помню — обидели меня. Они палками и пинками изгнали меня из города только за то — согласишься, что это пустыя! — что я не уплатил за ночь одной шлюхе по имени Раав. Ты голоден. Иди и покормись немного в Товне.

Сфинкс почесал затылок.

— У меня уже была такая мысль, — важно объявил он, — но я её почему-то отбрасывал. Но ты прав. Да, — сказал он, окончательно решившись. — Пойду. А что ещё делать? Есть-то надо. Но ответственность — на тебе.

— Да ради бога, — пожал плечами Каскет. — Приятного аппетита, — пожелал он, удаляясь.

ГЛАВА 5

Преодолев безводную, но весьма непротяжённую пустыню Сегед, Каскет пришёл в Шамсурен, Город Площадей. Он не был здесь уже давно и успел соскучиться по гранитному безмолвию его памятников и чёрному великолепию площадей. Шамсуренский царь Эртель приходился Каскету родным дядей, и Каскет решил, внезапно вспомнив про долг родственника, а также про полнейшее отсутствие средств, навестить его. Город Площадей гостеприимно раскинулся перед ним, и Каскет вошёл в его распахнутые ворота.

Шамсурен, раскинувшийся на многие мили, был огромен, но на самом деле здесь жило не так уж много народа. Дома строились близ площадей, а они в Шамсурене были громадны, так что домишки теснились вокруг них, как нечто незначительное, ненужное, словно некий бесполезный, декоративный бордюр. Зато площади на того, кто видел их в первый раз, производили неизгладимое впечатление: колоссальные пустые пространства, выстланные чёрным мрамором или полированным базальтом, лежали немые и величественны как заповедные территории, на которые распространялся таинственный древний запрет-табу. Но Каскет прошёл по ним, плотно закутавшись в плащ и оставляя пыльные отпечатки своих башмаков на трауре чёрного базальта, ибо по площадям гулял сильный ветер, пробирающий насквозь. Каскет думал о том, как попросить денег у своего дяди, и древние тайны Шамсурана мало волновали его.

Царский дворец, словно слепое бельмо, торчал на краю одной из площадей. Это было безобразное строение, нелепым слизнем растёкшееся по чистому чёрному мрамору, и Каскету захотелось взять в руки лопату, хорошую гигантскую лопату, и соскрести этот гнойный нарост со сверкающего тела площади. Но вместо этого он вошёл внутрь дворца.

Два раза его останавливали охранники, но оба раза он избавлялся от них посредством толчков и зуботычин. Потом это ему надоело, и он, продвигаясь по коридорам, просто стал орать:

— Дорогу! Дорогу наследнику!

И ему стали уступать.

Распахнув двери, он вошёл в один из покоев, где пребывал в одиночестве царь Эртель, упитанный человек, страстно увлечавшийся собиранием кальянов. Сейчас он курил один из них, богато

изукрашенный серебряной чеканкой. Когда в комнату вошёл-влетел Каскет, Эртель поперхнулся дымом, и внутри него и его кальяна одинаково забулькало.

— Дядя Эртель! — возопил Каскет, кидаясь к царю.

— Любимый племянник мой Каскет! — поспешно и так же громко вскрикнул Эртель, бросая кальян и широко раскрывая объятия.

— Какими судьбами? — приветливо спросил Эртель, когда взаимные родственные объятия немного ослабли и он смог высвободиться.

— Я решил навестить тебя, дядя, — сказал Каскет, незаметно оглядывая комнату в поисках вещиц поценнее. — Был так близко от города, что не мог не зайти, чтобы повидать тебя.

— Да, да, — рассеянно сказал Эртель, затягиваясь пахучим дымом.

— Ты же мой любимый племянник.

Они обменялись настороженными взглядами. Повисла неприятная пауза.

— Я прикажу, чтобы тебе приготовили комнату, — сказал затем Эртель, следя за Каскетом.

— Спасибо, дядя, — смиренно ответил тот.

На этой нейтральной ноте они расстались. Всю ночь Каскет не спал, прислушиваясь к шагам бродящих по дворцу привидений и временами обращаясь взглядом к окну, за которым над мёртвыми чёрными площадями Шамсурена висел желтоватый сгусток луны.

Завтрак его вполне удовлетворил: бифштекс был в меру прожарен, и так же в меру была вина — как раз, чтобы отряхнуть с себя пыль тревожных сновидений. После завтрака Каскет решил прогуляться по дворцу.

Он прошёл картинной галереей, полюбовался портретами умерших царей Шамсурена, вышел на террасу и с минуту смотрел на площадь и на виднеющееся вдалеке море — синюю полосу, пересечённую силуэтами невысоких городских башен. Вставало бурое солнце. Со стороны моря ветер доносил запах свежести — странный аромат в наполненном древней, сухой пылью дворце.

Вдруг Каскету пришла в голову отличная мысль. Он вспомнил, что у Эртеля есть дочь, его двоюродная сестра, по имени Адальперг. В детстве он частенько дразнил её, всячески переделывая её звучное имя и доводя Адальперг до слёз. Сейчас она, наверное, повзрослела и расцвела. Во всяком случае, на последнее Каскет надеялся. Не грех было бы навестить её: до вечера далеко, а именно вечером Каскет собирался попросить дядю помочь ему. Он резко направился к выходу, но в дверях столкнулся с девушкой. Она мигом очаровала его, и он также мигом понял, что это и есть его кузина Адальперг. От своего лоснящегося папаша она не унаследовала ни единой чёрточки, даже цвет её волос — каштановый с чуть рыжеватым отливом — совсем не походил на цвет редких прядей, свисающих с черепа Эртеля. Она была одета во что-то белое, и это удивительно шло к её стройной фигуре и тонкому лицу с большими, тёмными, приподнятыми к вискам глазами.

Каскет галантно поклонился.

— Я узнала, что ты здесь, — сказала она, отбрасывая всяческие церемонии, — и сразу направилась сюда. Ты очень изменился, Каскет.

— А ты — нисколько, — отвечал Каскет. — Я сразу узнал тебя. Я думал о тебе.

— Ты был у отца? — спросила она. — Ах да, я же видела тебя. Он всё такой же, правда?

— Какой? — осторожно спросил Каскет.

— Добрый, — воскликнула она. — Ты разве так не считаешь? Ты ведь любил его.

— Д-да, — промямлил Каскет. — Я и сейчас... некоторым образом...

— Вот видишь, — продолжала она, не слушая. — Но ты ведь не знаешь дворца. Пойдём, я покажу его тебе.

И она, взяв его за руку, как в детстве, повела за собой. Каскету она нравилась всё больше и больше.

— У тебя есть жених? — спросил он как бы между прочим.

— Есть. Но он далеко, в какой-то стране с длинным-предлинным названием.

— А-а.

Они пришли в небольшую уютную залу, всю заставленную старинными вазами в рост человека, и долго разговаривали здесь, вспоминая детство.

Вечером Каскет зашёл к дяде. Эртель курил кальян, но на этот раз вид его нельзя было назвать мечтательным.

— Тебя видела с моей дочерью. — Взгляд Эртеля показывал, что всё лицемерие отброшено. — Не смей к ней прикасаться. У неё есть жених. Очень влиятельный человек, сын герцога Мортании.

— Но она мне сестра, — возразил Каскет, не отведя глаз. — Мы очень мило вспоминали про наши детские шалости.

— Меня это не интересует, — перебил Эртель. — Покажись ей ещё раз — и я скормлю тебя отвратительным тварям, которых достаточно обитает в подземельях под моим дворцом.

Судя по всему, разговор о деньгах сегодня был бы неудачен, и Каскет поспешно ретировался.

Весь следующий день он бесцельно бродил по огромному дворцу, обнаруживая всё новые потайные уголки; безуспешно приударил за какой-то служанкой, убежавшей от него с нестерпимым визгом; начал было играть в порко, но разбил деревянным мячом окно и был вынужден прервать своё занятие. Потом он смотрел на далёкое море и строил планы. Ночью спал плохо.

Он снова зашёл в комнату Эртеля. Тот курил сиреневый с красноватым отливом кальян, в котором сипело. Был настроен критически.

— Ты ещё здесь? — встретил он Каскета. — Я думал, ты уже ушёл.

— Я хотел попрощаться, — тактично начал Каскет. — К тому же...

Кальян хрипло забулькал и заглушил его слова.

— Ты что-то сказал?

— Я сказал...

В кальяне забурчало так громко, что собственный желудок Каскета отозвался на это дружеским приветом.

— Извини. Я слушаю тебя.

Каскет открыл рот, чтобы снова заикнуться о деньгах, но кальян вновь засипел, и Каскет ушёл раздосадованный.

Парило. Солнце закрыли белые ровные облака, на которые невозможно было смотреть, так ослепительно жгли сквозь них солнечные лучи. Не было ни дуновения ветерка со стороны моря. Во дворце душный зной окутал галереи и террасы, проник в залы, невзирая на

тёмные занавеси, воцарился в низких покоех и тесных кабинетах. Каскет, страдая от жары, маясь и проклиная себя за то, что забрёл в это неприветливое место, лежал в своей комнате и пил прохладительные напитки. Но уйти отсюда уже не мог. Его здесь что-то держало, и в глубине души он не хотел уточнять, что именно приковывало его к этому дворцу.

Ближе к вечеру он спустился в сад, расположенный внутри дворца, в кольце каменных стен. Дурманяще-сладко цвели серпентусы, ало горели шровереты, мягкие терпкие лилии-белокровки свесились над красноватыми дорожками. Где-то в глубинах сада, в тёмных дебрях лиан и скипулов, громко орали гаруды и попугаи, изредка глухо фукал чёрный феникс, клекотал грифон, и ему вторила ноготь-птица. Каскет остановился возле одной стены и увидел далеко вверху окно.

— Скучно, — сказал Каскет, внимательно прикидывая высоту. — Очень скучно, — повторил он.

Дождавшись наступления темноты, он, не тратя времени даром, отправился в сад. Стену увивал тернистый плющ. Каскет сначала не придавал этому большого значения, но потом ему пришлось пожалеть об этом: плющ больно оцарапал его, пока он с кряхтением взбирался на стену.

Адальперг уже спала, и его появление напугало её. Но он быстро успокоил её, сказав несколько слов. Она увидела кровь на его одежде.

— Ты ранен? — воскликнула она. — Люди отца ранили тебя? Ты дрался, дрался за меня?

— Я укололся о плющ, — отвечал Каскет.

Девушка было горячее, как и окружавшая их душная ночь. Они не сомкнули глаз до утра, занимаясь любовью с большим пылом.

— А-а! — заорал Эртель, вламываясь утром в комнату Адальперг. От этого крика Каскету стало нехорошо. С его дядей было ещё человек двадцать, или это так показалось Каскету спросонья. Довольно неумело размахивая длинным мечом, Эртель начал гоняться за скачущим по всей комнате Каскетом, который под конец, боясь пораниться об острый клинок Эртеля, выскочил в окно. На полпути плющ предательски оборвался, и Каскет больно ушибся при падении. Здесь, в прекрасном благоухающем саду, его и взяли люди царя, крепко связав. Сверху неслись отчаянные крики Адальперг и рев Эртеля: видимо, происходило небольшое родительское внушение.

— Любимая! — воскликнул Каскет, Эртелю назло. — Я не забуду тебя и с края света приду, чтобы наши любящие сердца воссоединились!

— Я буду ждать, — донеслось сверху, заглушаемое нечленораздельными звуками, издаваемыми Эртелем. — Я будуечно ждать!

Тяжёлая дубинка стукнула Каскета по затылку, и ему стало не до Адальперг.

Он очнулся в подземелье. Возле него с факелом в руках стоял Эртель. Он ухмылялся.

— Никто не сможет упрекнуть меня в том, — сказал он, — что я не предупреждал тебя. Нет, я предостерегал тебя, но ты не внял моим советам, кои были продиктованы исключительно моей доброй волей и благорасположением.

— Но в каком, — заметил Каскет, — они были сделаны тоне?

— Тон — это вопрос вторичный. Главное — смысл, содержащийся в моих увещеваниях.

— Из-за тона я не понял смысла, — возразил Каскет. — Но всё равно я ценю твои советы, дядя, как ценил их и в детстве, когда прислу...

— Я для тебя "его величество", — сварливо перебил Эртель. — Что же ценю в тебе я, Каскет, так это твой талант добытчика, если не сказать прямее и грубее. Ты мне достанешь одну вещь. Но её трудно достать! — Эртель мерзко захихикал.

— От твоих слов, дядя Эртель, — сказал Каскет, ёжась, — холодок пробирает меня. Ты меня знаешь, я человек робкий и неспособный на какой-либо отчаянно-смелый поступок.

— Заткнись! — оборвал Эртель. — Ты пойдёшь и достанешь мне мандрагору.

— Но мне надо подумать, — упавшим голосом проговорил Каскет.

— О да, — чарующе улыбнулся Эртель. — Я подожду тут за углом. Надеюсь, тебе не помешают некоторые бродящие здесь в изобилии твари, которые, наверно, уже давно не ели и голодный блеск глаз коих я замечаю вон в тех тёмных проходах.

— Я согласен, — тотчас же ответил Каскет.

Утрюмого вида стражники приволокли его в курительную Эртеля. Тот как всегда дымил кальяном, золотым с бирюзовыми вкраплениями. Другой кальян, отделанный треугольными сапфирами, курил советник царя Вундт, человек-тапир с безобразной мордой и зелёными морщинистыми лапами, выглядывающими из тонких кружевных манжет. Его Каскет ненавидел, пожалуй, сильнее, чем своего дядю.

— Надо отдать тебе должное, — произнёс Эртель, когда Каскета расковали. — Адальперг тоскует по тебе. Но я запер её в башне: так, может быть, она быстрее успокоится.

Эртель и Вундт внимательно следили за реакцией Каскета.

— Мерзавец! — пылко вскричал тот, потому что этого от него ждали.

— Ты заплатишься за это!

— Всё такой же дурак, — заметил Вундт. — В детстве дурак — и сейчас дурак. Дурак — и всё!

— Сам ты дурак, — сказал ему Каскет. — Сволочь поганая.

Вундт обиделся.

— Ты лучше подумай, — ехидно намекнул Эртель, — как ты собираешься выполнять своё обещание. Или ты не обещал ничего? А ну, поклонись!

— Клянусь фаллосом Тука, бога стрекоз, — поклялся Каскет.

— Мандрагора, — сказал Вундт, — есть растение необычное, свойств которого почти никто не знает достоверно. Все, кто пытался добыть его, погибали страшной смертью.

Каскет расхохотался.

— Чего это ты смеёшься? — насторожились они.

— Те, кто погиб, были просто невежды, — ответил Каскет. — Были ли они одни в своем странствии?

— Не было никакого странствия, — недовольно произнёс Эртель, уязвлённый смехом Каскета. — Мандрагора растёт в лесу, который расположен за городской чертой. А насчёт другого — да, они отправлялись в путь всегда в одиночку. Тебе что-то известно?

— Только то, что нужно с собой взять спутника.

— Для чего?

Каскет снова засмеялся.

— Для компании.

Каскет, Эртель и Вундт вышли из дворца. Была ночь того же дня, беззвёздная и тревожная. Вдалеке мерно шумело море. Через два часа они оказались у кромки леса. Это был странный лес: совершенно лишённый подлеска, с огромными могучими деревьями, которые стояли правильными рядами, он был похож скорее на храм неведомого бога, чем на обычный лес.

— Здесь растёт мандрагора, — сказал Эртель.

— Да, сегодня можно будет сорвать её. — Каскет посмотрел на небо, потом на своих спутников. Вундт держал меч, и Каскет не сомневался, что при малейшем неосторожном движении тапир тут же убьёт его.

Поляну, где росли мандрагоры, они обнаружили быстро, ибо она была не единственной такой поляной в этом колдовском лесу. Там и сям среди тёмной травы слабо светились пучки листьев. Казалось, всё застыло кругом, не издавая ни звука. Прислушиваясь, Каскет сделал знак. Эртель и Вундт подошли поближе, всё время тревожно оглядываясь. Каскет нагнулся и взялся за один светящийся пучок.

— И как это вы, — заметил он, — согласились пойти за мной?

С этими словами он потянул мандрагору из земли. Раздался глухой, жуткий стон. У него закололо в висках, кровавой пеленой застлало глаза, но он успел увидеть, как два его спутника упали на землю. Выдернутую из земли мандрагору Каскет небрежно отшвырнул в сторону. Эртель смотрел на него угасающим взглядом.

— Невежество, — назидательно сказал ему Каскет. — Когда в доме такая великолепная библиотека, только полный болван захочет курить кальян и валяться на мягком ложе. Мандрагора излишне возбуждает, дорогой дядя, и я очень рад, что это не пошло тебе на пользу.

Потом Каскет исчез в лесу.

ГЛАВА 6

Он вышел к невысокой горе, у подножия которой стояла хижина, крытая тёсом. Внутри хижины сидел странного вида лысый человек, которого звали Ставангер. Ставангер был представителем бестической философской школы, поэтому приветствовал Каскета восторженным рычанием, стрекотом и кваканьем. У него давно не было собеседников, и жажда общения переполняла его.

— Приветствую тебя, — сдержанно и с недоверием сказал Каскет.

Ставангер засвистел и зацокал, но потом перешёл на нормальный человеческий язык. Он сказал:

— Извините. Но долгое общение с собственной натурой и натурой окружающей отучило меня говорить на языке людей.

Он предложил Каскету поесть, а сам в это время кричал селезнем и что-то жужжал себе под нос.

— Вы никогда не замечали... — сказал он, дождавшись, когда Каскет поест, и оглушил его потоком слов. Каскет некоторое время безуспешно вслушивался, потом веки его сами собой сомкнулись, и он заснул.

Когда он проснулся, Ставангера рядом не было, а был он, судя по всему, где-то около дома, откуда доносилось веселое чириканье и лай.

— Вы отличный слушатель, — произнёс Ставангер, внезапно

появляясь в дверях с охапкой приторно пахнувших пурпурных цветов, от запаха которых у Каскета тут же разболелась голова. — Вы очень внимательно меня слушали, но не вставили ни одного слова. Что вы думаете... — и он вновь выбил почву из-под ног Каскета бурной рекой слов. Но теперь Каскет отдохнул и был во всеоружии.

— Я думаю... — сказал он и в ответ ошеломил Ставангера не менее бурным собственным монологом, от которого Ставангер пришёл в восторг.

— Какой школе принадлежат ваши взгляды?

— Я панккаскетист, — отвечал Каскет, — иногда, впрочем, смиряющийся с правдой жизни.

Ставангер закивал.

— Прислушайтесь, — прошептал он, и Каскет наострил уши. — Прислушайтесь к природе! Вы никогда не замечали, какие яркие чувства и поразительная гамма эмоций заключены в звуках, издаваемых животными? Ну, послушайте хотя бы вот это: ква-ква! Не правда ли? Ква-ква! Не могли бы вы повторить?

— Ква-ква! — сосредоточенно повторил Каскет, стараясь вникнуть в сокровенное значение этих звуков.

— Не правда ли? — снова пришёл в восторг Ставангер. — Или вот это: гав! Гав! Гав-гав-гав! Да?

— Гав-гав! — лаял Каскет.

— Или: ку-ку! ку-ку! Так и напрашиваются, знаете ли, различные по глубине своей мысли.

— Ку-ку!

— Ку-ку!

— Ку-ку!

Так до поздней ночи они выли, рычали, кричали, мяукали на разные лады, то вместе, то поочерёдно, и кончилось это тем, что внезапно в двери вломилась из леса большая орда диких зверей и существ, которую привлёк сюда их оживлённый диалог. Каскет успел выскочить в окно и долго улепётывал извилистыми тропами, тогда как в оставленной им хижине выли образцовый и на этот раз неподдельный хор ужасных голосов, обладатели которых собрались на свой поздний ужин.

Эту ночь он провёл на высоком дереве, прислушиваясь к каждому шелесту и дрожа от страха.

Как только наступило утро, он быстро спустился с дерева и рысцой припустил через лес, смутно памятуя о том, что где-то рядом когда-то была небольшая деревушка. Он пересёк лес, пересёк поле, пересёк мелкую, вонючую речушку и увидел, наконец, деревню. Она состояла из десятка бревенчатых домов, над которыми клубился желтоватый дымок. Возле деревни было большое поле. На этом поле возле сохи с лошастью стоял крестьянин по имени Мимнерм и тупо пялился на глубокий провал в земле, из которого он только что вытащил свою соху.

Каскет подошёл и тоже уставился на провал. Мимнерм поглядел на него.

— Вот, понимаешь, пашу, — произнёс он, — и вдруг — хрясь, понимаешь, земля под лемехом, бултых вниз, оттуда снизу, понимаешь, — бабах, потом туп-туп!

Он замолк.

"Клад, — про себя обрадовался Каскет. — Как кстати! Этот тупица так и не поймёт ничего".

— Подожди меня здесь, — торопливо бросил он Мимнерму. — Я залезу туда и посмотрю, в чём дело.

И он прыгнул в яму. Пролетев значительное расстояние, он свалился на кучу земли и только потому остался жив. Каскет огляделся. Клада он никакого не увидел, а увидел он точно такое же поле. Или не точно такое же... Нет, это поле было другое. Оно было тёмно-синего цвета и всё покрыто белыми сверкающими крапинами, подозрительно похожими на звёзды. Посреди поля белела луна, закрытая тучами. И луна, и тучи были намертво впаены в поверхность поля. Каскет посмотрел наверх. Над ним, далеко вверху, колыхались верхушками вниз деревья, мерцала гладь озера, в котором отражалась его размытая фигура. По полю головой вниз двигался человек, в котором Каскет узнал Мимнерма. Но настоящий Мимнерм смотрел на Каскета из той дыры, через которую он попал сюда. Его круглая голова казалась чёрной точкой посреди светлого круга.

До Каскета донёсся дружный вопль. Поле было обитаемо. Двенадцать молодцев с упорным энтузиазмом гоняли по нему мяч, сделанный из сердца циклопа. Сам же циклоп охранял ворота — красный овал в горе — и всякий раз, как молодцы с гиканьем подкатывались к самым воротам, безнадежно махал в воздухе руками и раскрывал жаркую пасть. Но мяч летел мимо, чтобы через секунду вновь оказаться на поле и в игре. Судил игру чёрный сухопарый человек в пасторской шляпе и с тревником в руке.

В то время как Каскет с изумлением вглядывался в эту картину, один игрок вдруг исчез, и скрежещущий голос судьи объявил:

— Замена!

И Каскет очутился в игре. Пока наблюдал за ней со стороны, он убедился в том, что правила ему непонятны. Но когда оказался в гогочущей и ржущей толпе играющих, когда увесистый мяч попал в него, опрокинув на землю, когда чьи-то крепкие ноги с явным удовольствием прошлись по его телу и кости Каскета отозвались на эту акцию болезненным хрустом, Каскет понял, что правил этой игры он не поймёт и не узнает никогда, даже если будет гонять мяч по этому странному полю всю свою оставшуюся жизнь. Толпа молодцев в очередной раз увлекла его за собой, и Каскет очутился рядом с циклопом. Тот следил за мячом кротким глазом.

— Ну что пасть разинул? — со злобой крикнул ему Каскет. — Прыгни как следует и поймай мяч.

— Нельзя, — ответил циклоп, внимательно следя за игрой. — С места трогаться нельзя.

— Правил здесь всё равно нет, — сказал Каскет, отбивая мяч, — толпа молодцев устремилась в другой конец поля. — Твоё сердце?

— Ага. Моё.

— Ну так схвати его.

— Последствия.

— Не бойся последствий.

— Ты знаешь, куда попал? — спросил его циклоп, соизволив, наконец, оторвать взгляд от игры. — Это Место Хаоса, точка, где соприкасаются миры Порядка и его Противоположности, Хаоса. Не то

чтобы здесь царил хаос во всём. Просто здесь нет порядка в том значении, в каком вы его понимаете. Но законы — есть. Хаос — это сплошная случайность...

Мяч влетел в ворота, и циклоп мотнул в воздухе руками.

— Здесь нет причинности? — спросил его Каскет.

— Нет. Воля случая. Или кого там ещё. Видишь того в шляпе? Это, как говорится, бог. А эти вот — ангелы.

— Понятно.

— Да ничего тебе не понятно, — недовольно отозвался циклоп.

— Верно, — покорно согласился Каскет. — Ничего мне не понятно...

Но, положим, что будет, если ты вдруг схватишь мяч?

Циклоп в ужасе содрогнулся.

— Здесь-то ничего не будет. А вот там, откуда ты родом...

— Кроме того, что там уже произошло, ничего страшного там произойти не может, — успокоил Каскет. — Так что лови. Или игра закончится?

— Она никогда не закончится. Просто будет другой вратарь.

— Вот и успокойсь. Отдохнёшь. Каково без сердца-то!

— Так-то так...

И циклоп глубоко задумался. Ватага молодцев-ангелов, поднимая едкую пыль, промчалась мимо.

— Всё станет с ног на голову, — очнулся циклоп.

— А сейчас не так, что ли? — засмеялся Каскет. — Посмотри: деревья у вас наверху, а звёзды и луну вы топчете ногами, будто это простая трава.

— А другого мы не знаем, — важно изрёк циклоп.

Орава сшибла Каскета с ног в очередной раз и пронеслась мимо.

— Мне это надоело, — объявил Каскет, поднимаясь и отряхивая колени. — Хватай мяч, образина.

Мяч, отделившись от толпы, летел к циклопу.

— Попытка не пытка, — пробормотал тот и, схватив мяч, проглотил его. Моментально игра прекратилась. Циклоп хлопал своим глазом. Игроки стояли на местах. Судья скривился.

— Кто подбил его на это? — спросил он, и взгляд его переместился на Каскета, довольно глупо ухмыляющегося.

— Держи вот этого! — завопил злобно судья, бывший одновременно богом, и первым бросился через всё поле к Каскету. Ретивые игроки, взвизгивая, неслись за ним.

— Хватай! — ревели вокруг.

Потом всё умолкло, и небо под ногами у Каскета вздрогнуло. Циклоп исчез с громким хлопком. Игроки попадали. Судья стоял, глядя вверх. Поверхность под Каскетом выгнулась, и его выбросило ввысь. Он долетел до своей дыры и схватился за её края руками. Посмотрев через плечо вниз, увидел, что бравая команда с судьёй во главе стоит посреди невысокого леса и недоумённо переглядывается. Рядом с Каскетом сияла луна. Ему захотелось потрогать её рукой, но вместо этого он подтянулся и вылез на поле. Мимнёрм был здесь. Ни слова не говоря, Каскет схватил его и швырнул в дыру, откуда только что сам вылез. Прислушался. Из дыры донеслись чьи-то вопли, потом скрипучий, далёкий голос объявил:

— Замена!

Поле вокруг приобрело голубоватый оттенок. Деревни не было. Не было и солнца над головой — лишь какое-то неясное свечение. В воздухе висел странный, невесёлый, тягучий звук — будто небо медленно разлезалось на части, как ветхая ткань. Каскет отправился своей дорогой.

ГЛАВА 7

Вскоре он вышел к морю. Оно было похоже на жёлчь, внезапно пришедшую в движение. Вязкая вода лениво и мерно накатывала на берег, потом отползала, и на берегу оставалась дохлая рыба и слизь. Солнца так и не было, лишь далеко впереди, за морем, что-то горело под линией горизонта, и море отсвечивало зелёным и коричневым.

Через несколько шагов Каскет набрёл на поселение нефтяных червей. Не столько чтобы согреться, а развлечения ради он бросил в одну дыру-скважину горящую веточку и с удовольствием понаблюдал, как нефтяной червь с визгом вылетел из своего обиталища, свалившись рядом с дырой. Каскет затушил его ногами и, отрезав от него несколько кусков полутьхи, съел их. Мясо червя отвратительно пахло нефтью, но Каскет подавил тошноту: впереди он не знал ни одного поселения, где можно было поесть.

Ближе к ночи он увидел город. Он хорошо помнил этот город, но так и не смог понять, почему не вспомнил про то, что город встретится на его пути. Город Ригемел зданиями из мрачного красного камня сбегал к морю. Когда-то часть его была затоплена водой, и теперь высокие башни торчали недалеко от берега, и на них отдыхали сирены. Звук в воздухе всё ещё висел — надрывный, тянущийся вой, — но Каскет так к нему привык, что уже не обращал внимания. Вместо этого он поспешил к Ригемелу, пропуская мимо ушей зазывные вопли сирен, показывающих ему свои прелести. Он решил сойти при дворе короля Ригемела за бродячего менестреля. Он знал, что дочь короля отличается божественной красотой, и также решил попытать счастья и добиться её руки.

Но как только он вошёл в город, на него набросились два дюжих стражника и, несильно побив, привели к королю. У Каскета не было времени разглядывать тёмный зал с колоннами, куда его ввели. С каменного трона к нему нагнулся мрачный бородатый человек с золотой короной на голове и горящими глазами. Каскет знал, что короля зовут Бургмайр. Кроме того, он знал, что у короля имеются ещё и прозвища и что их несколько: Бургмайра величали Кровавым, Безжалостным, Воителем и Чёрным. Глянув в его глаза, Каскет решил, что ни одно из этих прозвищ не лжёт.

— Назвался менестрелем? — проговорил король низким басом, от которого у Каскета забурчало в животе. — А как зовут тебя, любезный менестрель?

— Каскет, — сказал Каскет.

— А ну-ка, исполни что-нибудь, называющий себя Каскетом! — крикнул Бургмайр.

Каскет втянул в себя воздух и начал:

Тристан давно в лесу живёт,
И эта жизнь — не сладкий мёд.
Его не сыщешь поутру,
Где спать ложился ввечеру:
Он знает — волей короля
Вся ригемельская земля
Ему теперь как вражий стан.
Вкус хлеба позабыл Тристан.

Лицо короля смягчилось.

— Эй, люди! — грянул его голос. — Одеть и накормить этого проходимца. Он настоящий менестрель. Потом приведите сюда. Я ему верю.

С Каскетом сделали что было приказано. Он вновь предстал пред очи короля.

— Вижу, вижу, — сказал тот. — Ты сыт и доволен.

Каскет сказал:

Тристан теперь в дворце живёт,
И эта жизнь как сладкий мёд.
Давно не прятался в нору,
Глодал железную кору.
Он знает — волей короля
Вся ригемельская земля
Ему теперь и кров и дом.
Сего достиг своим трудом.

— О! Да ты поэт, — удивился Бургкмайр. — Тебя мне послал сам Махес, бог грозы и бури, сын Баст. Какому богу ты поклоняешься?

— Туку, богу стрекоз, — сказал Каскет.

— Не знаю такого, — нахмурился король.

— Это малоизвестный бог, — объяснил Каскет.

— Неважно. Что ты знаешь о драконах, менестрель?

— Лишь то, что они — драконы, — осторожно ответил Каскет.

— Я даю тебе всю ночь — узнать о них побольше. Бог Махес прислал тебя сюда, чтобы помочь городу. Коварный и кровожадный дракон по имени Нибур поселился в окрестностях нашего города. Сегодня утром он похитил мою дочь Ситу прямо из дворца, когда она гуляла по берегу моря со своей служанкой.

— А что он сделал со служанкой? — спросил любопытный Каскет.

— Обычно драконы пугают служанок так, что они впадают в полубессознательное состояние, или навевают колдовские сны, или...

— Он её попросту сожрал, — сказал Бургкмайр. — Так вот, никто не осмеливается идти на бой с Нибуром. Ты человек с хорошо подвешенным языком, ловкий и, судя по всему, смелый. На заре ты пойдёшь и сразишься с драконом.

— Хорошо, — согласился Каскет без промедления. — Но, великий король, я не отдыхал три дня. Чтобы увидеть чудеса города, о которых я слышал далеко за пределами твоей земли, я спешил, сбивая ноги в кровь и мечтая увидеть поскорее великие башни Ригемела. Словно вихрь, обгоняя толпы паломников, спешащих сюда, я бежал, и свист раздавался мне вслед. Я не хотел отдыхать, о нет, я словно ветер, словно

буря, да какое там, словно северный ураган, нёсся сюда, дабы взглянуть хоть одним глазом на ригемельские достопримечательности. Смилуйся, король, и дай мне отдохнуть немного.

И король смиловался. Утром Каскета разбудили пинками, сняли с него тяжёлые цепи и выпустили из сырой и непроветренной темницы, где он провёл ночь. Его снабдили большим, неудобным мечом, ибо свой он потерял где-то в пути, и гнали до самых ворот города, безжалостно стуча по спине толстыми нестругаными палками из сырого дерева.

Так Каскет снова оказался на берегу моря. Ему указали направление, любезно пнув пониже спины, и он отправился в путь. Проходя берегом, он увидел братьев Симона и Андрея, которые тянули сети из воды, ибо были рыболовы. Он позвал их с собой, и они пошли. Симон был косоглазый урод с лицом, побитым крупными рябинами, а Андрей, его брат, разнился с ним лишь тем, что рябины на его лице были немногим меньше. По пути произошел такой диалог.

— Итак, храбрые рыцари, — хлопнул Каскет храбрых рыбаков по твёрдым плечам. — Знайте, что мы идём на дракона, причём главная роль в этом деле принадлежит не мне, а вам, выходцам из народной среды, витязям, так сказать, кому самой судьбой предначертано повергнуть адское чудовище и уничтожить его.

Пламенная эта речь лишь в малой степени встретила отклик, ибо была понята только наполовину.

— Поверг... — прогукнул Симон, усиленно пытаясь шевельнуть той малой толикой извилин, которая имела в его черепной коробке. — Стало быть... да нешто...

На этой риторической ноте его мозговая деятельность закончилась. Андрей был посообразительней.

— Это кто ж пойдёт-то на дракона? — спросил он. — Мы, што ли?

— Вы, легендарные святогоры, — радостно закричал Каскет, налетая на них и не давая обдумать его слова. — Ну и я тоже. Великий король Бургмайр, ну вы знаете, призвал меня к себе — а надо вам сказать, что я великий истребитель драконов по имени Палтус — так вот, он призвал меня и сказал — доверительно так, вполголоса, — говорит — иди-де, верный Палтус, и найди двух храбрейших в моей стране рыболовов. Одного зовут Андрей, а другого — Пётр.

— Симон, — прогудел Симон.

— Да, да, Симон, ну конечно, он так и сказал — иди, говорит, и найди мне двух храбрейших в моей стране рыболовов — Андрея и... м-м... Симона. Пустяки их на дракона, и ты увидишь, как затрясётся мерзкая бестия, узрев их, как поперхнётся своим огнем и как сразу выдаст им мою драгоценную и, можно сказать, любимую дочь.

— Дочь, — повторили легендарные витязи, выходцы из народа и истребители драконов.

— Да, — кричал Каскет. Он окончательно вошёл в раж. — Больше того, король сказал мне — я знаю, они настолько храбры, что им не нужны ни мечи, ни копыя, благодаря своему устрашающему, дикому нраву они покончат с тварью, терроризирующей наши земли, расправятся с ней и вернуться в ликующий город, где их встретят прекрасные девы с розовыми венками, а может быть, даже дубовыми, хотя я лично думаю, что эти венки будут лавровыми.

Братья восторженно закивали. Перспектива им нравилась.

— Ну так вперёд, доблестные воители! — вопил Каскет, потрясая мечом. — Мы идём на дракона!

— Ага! — орали вместе с ним воители. — Идём, стало быть!

С морского берега они вскорости попали в тёмный и унылый лес, тишину которого нарушал лишь далёкий хохот леших. Лес был утрюмый, но Каскет так взвинутил своих спутников, что вид леса их несколько не смутил. А чтобы такое настроение не упало, Каскет всю дорогу говорил, пел героические песни и попытался даже станцевать лезгинку с мечом в зубах, но меч не удержался в его зубах, потому что был слишком тяжёлый, и Каскету пришлось оставить эту затею.

Наконец на одном дереве они увидели надпись рунами: "Дракон. 3 мили" и стрелку, указывающую куда-то налево.

— Вперёд! — выкрикнул Каскет. — Принцесса ждёт вас, герои!

Герои с шумом и треском устремились в ту сторону. Каскет вздохнул и побрёл следом.

Они прошли ещё два указателя, висевших с точностью через одну милю, и оказались перед одиноко стоящей скалой, в которой виднелась дверь. На ней висела табличка: "Дракон. Не беспокоить".

— Во! — заскорузлым, пахнущим рыбой пальцем показал Симон на дверь. — Там он, подлюга! Чую я его!

Каскет бодро осмотрелся, затем приказал братьям встать перед дверью и громко вызывать дракона с промежутком в две минуты. Сам он залёг в ближайших кустах. Через две минуты после того, как Симон и Андрей что-то нечленораздельно проорали, дверь приоткрылась, и через неё ударил мощный поток жгучего пламени, который мгновенно испепелил драконоборцев, превратив их в прах. Тогда Каскет вышел из кустов, спокойно подошёл к двери и деликатно постучал.

Через некоторое время послышалось бодрое "иду", за дверью протопотали шаги, и дверь открыл низенький лысоватый толстячок. Толстячок гостеприимно улыбался и тщетно пытался скрыть струйки дыма, идущие у него из ноздрей.

— Досточтимый Нибур, дракон? — осведомился Каскет.

— Да, да. — Толстячок заулыбался ещё шире.

— Я Каскет, — представился Каскет, — некоторым образом драконоборец. По очень важному делу.

— Очень рад. — Дракон торопливо распахнул дверь и пропустил Каскета внутрь. — Живёшь, знаете ли, в глуши...

В помещении запах палёного был ещё сильнее. Единственная комната была очень большой, каменные скамьи покрыты шкурами сируйтов и леших. По углам были свалены в кучу драконовы сокровища, покрытые вековой пылью. В одном углу на грубой подстилке скорчилась дрожащая девушка, облачённая в рваные лохмотья. Рядом с ней сидел мужчина со связанными за спиной руками. На шипящем огне, горевшем посреди помещения, стоял большой котелок, в котором варились человеческие ноги. Каскет остановился у огня.

— У вас пригорает, — показал он на котелок.

— Ох, ох, — засуетился Нибур, прищелкнул пальцами — пламя немного поухтило. — Решил, знаете ли, приготовить хороший студень.

— Конечно, — сказал Каскет.

— Пожалуйста, присаживайтесь, — пригласил дракон. Каскет сел на одну из скамей. Нибур уселся напротив.

— Чем могу? — осведомился он.

— Видите ли, — начал Каскет, — благодаря некоторому стечению обстоятельств, которое вряд ли можно назвать благоприятным, я послан исполнить одно поручение или даже приказ. Некий король расположенного здесь неподалеку городишка просит вернуть ему его дочь.

— Ах да, — задумался дракон. — Было у меня недавно...

— Я могу хотя бы увидеть её? — спросил Каскет, с сомнением поглядывая на котелок с варившимися ногами.

— Да вот она, — махнул рукой Нибур на сжавшуюся в углу девушку.

— Ах, эта! — Каскет тоже посмотрел туда: девушка была очень непривлекательна в своём рубище и вовсе не походила на прежнюю красавицу-принцессу. — А это кто? — Он кивнул на мужчину.

— Да это так, мой ужин, — бросил дракон. — Не обращайтесь внимания.

— Понятно. Вернёмся к нашему делу. Могу ли я — если, конечно, это не покажется вам дерзостью — могу ли я забрать принцессу отсюда?

— Конечно, конечно, — тотчас же согласился дракон.

— Но как же... — поражённо начал Каскет, не надеявшийся на такое скорое согласие и ожидавший, что дракон будет ломаться и заставлять себя упрашивать. — Как же я...

— Я, собственно, уже с ней, так сказать, натешился, — озорно подмигнул Нибур. — А чего ещё надо от такой молоденькой девушки? Пропитания у меня хватает, соседи хорошие.

Каскет подмигнул ему в ответ, и они засмеялись. Вскоре они уже сидели за одним столом, пили великолепное вино из погребов дракона и дружески разговаривали. Гостеприимный дракон предложил было Каскету немного содержимого из своего котелка, но тот вежливо отказался, сославшись на неизбежные человеческие предрассудки.

— Мой отец, — сказал на это Нибур, — умел готовить прекрасный хаш из человеческих ног. Причём чем моложе ножки, тем лучше — тогда они хорошо провариваются. Он и меня научил. И, можете себе представить, готовить хаш очень легко, ножки почти не нужно опаливать, и наvara с них много. Вот только выбирать надо уметь, ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха!

— Ну как она? — спросил потом Каскет шепотом, нагнувшись к уху Нибура и кивая в сторону Ситы.

— Ничего, ничего, — скорчил равнодушную мину дракон. — Правда, не знает некоторых простейших вещей, но всё искупается богатым воображением и живейшим восприятием.

— Ха-ха!

Расстались они совершенными друзьями. Каскет и Сита вышли из пещеры, Нибур сердечно с ними попрощался, причём у девушки это не вызвало никакого отклика, и Каскет повёл её через лес. Осмотрев принцессу внимательнее, он нашёл, что в целом материал недурён и даже лохмотья не могут обезобразить отличной фигуры девушки. Выбрав кусты погуше, он увлёк её туда и здесь немного поучил искусству любви. Девушка не сопротивлялась. Вообще-то после

драконова флирта с её рассудком что-то случилось, и Сита была явно не в себе.

Выйдя из леса и доведя девушку до берега моря, Каскет указал ей направление, где, по его мнению, находился Ригемел, а сам пошёл в противоположную сторону. Сита безучастно побрела по морскому берегу, но потом вдруг заинтересовалась камешками, отполированными волнами, и, наклонившись, стала собирать их в подол своего платья.

Солнца не было. Спустя некоторое время Каскету встретился некто прозванием Саошьянт, могучий витязь в круглом шлеме, верхом на быке. На небо с востока накатывалась тьма — по всем признакам, наступала ночь. Возле глубокого озера с крутыми обрывистыми берегами возвышался храм какого-то бога, имя которого Каскет позабыл. Он предложил Саошьянту переночевать в храме, на что тот согласился.

Храм был большой и неотапливаемый, людей в нём давно не было. Огромные идолы ялялись на них со стен, а с пола глазели идола поменьше — деревянные антропоморфные статуэтки в разных неприличных позах.

Саошьянт был раздумчивый человек. Он сказал:

— В этом храме нет души. Его боги мертвы. Следовательно, их нет. Когда мир будет валиться в бездну, а святые праведники восстанут к жизни, этот храм так и будет оставаться мёртвым.

— Ты прав, — сказал Каскет. Он собрал деревянные статуэтки с полу, навалил их в кучу и поджёг, потому что было холодно. — Душа храма в вере. Если же нет человека, нет и веры. А в этом храме отродясь не бывало людей. Чем ты занимаешься?

— Чиню суд, — ответил тот.

— Неплохое занятие. А что потом?

— Потом воскресают праведники. Сомневаюсь, что в этом месте есть могилы праведников. Долго спорили, как вообще отличить праведного человека от неправедного. И ничего не решили. Вот, смотри!

Он подошёл к своему быку и ударом меча отсёк ему голову. Потом не спеша разделал его и начал жарить мясо на костре из статуэток богов. Пока он этим занимался, в храм ворвались двое старцев почтенного вида, с белыми бородами и глазами, лучащимися благодатью.

— Искупительная жертва быка, — произнёс Саошьянт, обращаясь к Каскету, — воскрешает усопших праведников. В этих местах их всего двое. Это уже много. Мир вам, старцы праведные!

— И тебе мир, Саошьянт!

— Мир и тебе, Саошьянт!

Каскет зачерпнул немного крови, текущей из перерезанной шеи быка, и окропил ею старцев. Те вмиг исчезли, уступив своё место коричневым скелетам на полу.

— Ну зачем ты так? — укоризненно бросил Саошьянт через плечо.

— Зачем ты их лишил их праведности?

— Они лгали, — спокойно пояснил Каскет. — Праведного человека не бывает. Человек бывает лишь бредущий — сам не зная куда.

Саошьянт несколько раз кивнул головой.

— Давай есть, — сказал он, и они стали есть поджаренное мясо быка и пить вино из фляжки Саошьянта. Закончив есть, Саошьянт оживил быка и, выйдя из храма, привязал его у входа. Было уже совсем темно. Звук висел в воздухе — плотный, как полог.

Вернувшись, Саошьянт постоял в раздумье.

— Ничего не понимаю, — пробормотал он. — Ничего. Ты что-нибудь понимаешь, Каскет?

— А ничего и не надо понимать, — отозвался Каскет, грызущий большую кость. — Зачем понимать? Вот представь: кто-то всё понимает. Ты его спросишь: слушай, а это как? Он тебе: так и так. Ты — ему: а вот это? Он — снова: так и так-де. Всё понимает. Всё. Скучно это. Противно. Лучше ничего не понимать. Жить.

— Ты хорошо объясняешь, — кивнул Саошьянт. — Разумно. Объясни тогда: я — Саошьянт. Вот мой меч, им я должен истреблять носителей зла. Вон бык, его жертва воскрешает праведников. Где же суд? Суд — я? Объясни мне это, Каскет!

Каскет отложил кость в сторону и задумался.

— Нет, — сказал он наконец. — Ты — не суд, Саошьянт. Суд — это какое-то место, престол, херувимы, огненная река... Нет, ты не суд, Саошьянт.

— Я так и думал, — удовлетворённо ответил тот. — Сомнения одолели. Вопросы стали возникать. Так, значит, я не судия, Каскет?

— Не-а, — отозвался Каскет, грызя кость.

Саошьянт снял с себя меч и отбросил его в сторону.

— Пускай другие судят.

— Носители зла! — фыркнул вдруг Каскет. — Ну ты и придумал! Да где ты их найдёшь, таких рафинированных!

— Вот и я думаю.

Потом спали.

Утром, когда Каскет пробудился, он не нашёл Саошьянта возле себя. В стороне валялся его меч и шлем. Возле входа лежали остатки туши быка с перерезанным горлом. Самого Саошьянта нигде не было.

Каскет пожал плечами и вышел из храма.

ГЛАВА 8

Каскет шёл весь день. Он очень проголодался, но ему повезло: в одной деревне, где все люди сплошь были слепыми, он украл двух куриц и каравай хлеба. Будь у него времени побольше, он остался бы здесь и пожил немного, ибо любил людей беспомощных. Но звук в воздухе нарастал, и Каскет пошёл прочь, по длинной ровной дороге, ведущей за горизонт.

Только что тянулась перед ним равнина, бурая, в некоторых местах покрытая островками бурьяна, и вдруг прямо на дороге возник сказочный дворец. Весь белый, изящный, с башенками, лёгкими аркадами, парадными порталами и широкими витражами окон, с бесчисленными переходами и галереями, дворец казался настолько нереальным в этой местности, настолько явственной была какая-то печаль, разлитая во всех его линиях, что рисовался он странным и необычным сном.

Каскет протёр глаза. Но дворец не пропадал. Напротив, он возвышался перед ним, красуясь во всём своём блеске, и Каскету захотелось войти внутрь, посмотреть, что за великолепный властитель построил это чудо посреди безжизненной равнины, вдали от центров цивилизации и в

непосредственной близости к варварскому быту деревень.

Он долго блуждал по таинственному чертогу, но ни один обитатель его не попался ему на глаза. Только не было здесь того стонущего плача, который стоял снаружи, неумолчным воём надрывая уши. Но здесь была какая-то тоска, безысходность, ощущение безвозвратного падения и отсутствия всякой надежды, которые чувствовались в каждом новом переходе, открывающемся его глазам, в каждой колыхающейся пурпурной портюре, в каждом бледном бюсте, которому не хватало только венчающего его силуэта Ворона.

Неожиданно Каскет вышел в большой освещённый зал. Казалось, здесь были только занавеси, белые как снег, занавеси лёгкие, развевающиеся на ветру, занавеси прозрачные, и Каскету поначалу показалось, что занавеси заменяют этому залу стены. Но кроме занавесей было здесь и нечто более примечательное. В зале находилась женщина, и когда Каскет увидел её лицо, лишь оно запечатлелось в его памяти. Это было странное лицо. И вроде бы не было ничего в нём необычного — тонкое, бледное лицо, — но сквозь него виделось другое, лицо, которое невозможно описать словами, лицо милосердное, но печальное, доброе, но слишком грустное, чтобы быть по-настоящему добрым. Глаза светились понимающей любовью, но любовью не конкретной, не земной, а какой-то совершенно иной, которую не понять и не принять. И Каскет понял, что перед ним София, Премудрость Божия.

— Встань передо мной, Каскет, — услышал он её голос, мелодичный, но твёрдый, и Каскет тотчас же повиновался. — Знаешь, кто я?

— Знаю, — пробормотал он, отводя глаза.

— Я давно вижу тебя. Не наблюдаю и не слежу, ибо в этом нет необходимости. Ты ясно виден мне, и тебе это неприятно.

— Всякому будет неприятно, когда он узнает о таком.

— Тем не менее все люди всегда на виду. Мне поручено строить и устроить этот мир. Можно найти множество недостатков в нём, великую тьму пороков, странные несовместимости бытия. Это легко устранимо, но необъяснимо средствами людей. То, что кажется вам странным, для меня закономерность. Ваша беда в том, что вы всё видите исключительно со своих позиций, а они несовершенны.

— Но ты любишь людей, — сказал Каскет.

— Да, я люблю людей. — Голос её стал ещё мелодичнее. — Не то чтобы мне было велено любить людей, хотя и это тоже. Я прониклась к ним особым чувством и не требую жертвы.

— А я не собираюсь приносить жертвы и сам не буду ею, — произнёс Каскет.

София испытующе смирла его взглядом.

— Почему-то я знала об этом, — сказала она, — и ожидала этого от тебя. Но ты мне не ясен. Потому-то на дороге тебе и встретился мой дворец.

Каскет кивнул.

— Дорогу осилит бредущий, — сказал он.

— Один бредущий был и до тебя, — сказала она. — Но он принёс себя в жертву, дабы даровать спасение.

— Но я не бог, — возразил Каскет. — И не хочу им быть, ибо для этого нужно любить людей. Иногда я думаю, что это есть основной,

главный атрибут божества — любовь к людям. Ко всем людям! Вот этого я никогда не пойму.

— Это и не требуется.

— Ты защищаешь людей, — произнёс Каскет. — Во всяком случае, так говорят. Значит, ты их любишь. Вот так запросто появляешься перед каждым бредущим путником...

— Не перед каждым, — прервала она его. — Не каждому дано знать тайны мира. Ты побывал в Игре. Axis mundi. Это — мировращение.

— Я вовсе не преуменьшаю значение мной увиденного, — заметил Каскет. — Но мне нужно было оттуда выбираться...

— Вот именно, — сказала она. — Тебе нужно было оттуда выбираться. И для этого ты нажал невидимую кнопку, обратил необратимые процессы вспять. Теперь даже мне неизвестно, чем это всё кончится.

— Зачем знать? — пожал плечами Каскет. — Будет известно в своё время.

— Это время может и не настать, — строго сказала София, откидывая голову.

— Твоё дело — защитить людей от того, что может настать, — усмехнулся Каскет.

— А как ты представляешь себе своё дело? — спросила София. — Я не могу позволить тебе ломать и дальше. Это не по законам. Это противоречит всему.

— Раз это есть — значит, этому надлежит быть, — изрёк Каскет. — Такова незыблемая формула. А вот уничтожение этого будет действительно противоречить всем правилам.

София в раздумье медленно проплыла к высокому окну, за которым была видна всё та же бурая равнина. Потом так же медленно кивнула.

— Вот он, неизбежный дуализм! — засмеялся Каскет. — И никуда от него не деться. Всё подчиняется этому космическому цинизму. Ты сама создала мир таким, противопоставив свет и тьму.

— Я была лишь проводником высшей воли, — гневно воскликнула София. — И свет и тьма — ещё не всё. Есть и сумерки. Люди — сумеречны.

— Не все, — уклонился Каскет.

— Нет, все, — ударила София. — А кто нет — отступление от нормы. Патология. Это не люди.

— Очень хорошо, — поклонился Каскет, уязвлённый.

— Верно, я люблю людей, — продолжала София, — со всеми их грехами. Ведь они — люди. И я заступаюсь за них перед ликом Его и перед ликами тех, кто им вредит. Хотя твоё лицо не назовёшь ликом.

— Харя, — подсказал Каскет. — Рожа, мурло, личина.

Она поморщилась.

— Может, и так. Но и это — лики. Они разные. Так просто не определишь твою маску, Каскет. А потому я всё равно не отступлюсь от своего, ибо я — защитница. Всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь. Ты можешь что-нибудь сказать?

— Я не отступлюсь от своего, — вызывающе передразнил её Каскет. — Иго моё благо, и бремя моё легко. Дорогу осилит бредущий.

— Сам выбирай свой путь из двorca, — рекла она.

И Каскет двинулся прямо на стену. Когда до неё оставалось совсем

немного, стена исчезла, и перед Каскетом вновь оказалась дорога.

— Ты выбрал, — донесся голос Софии.

Была дорога. По ней шёл человек в терновом венце. Каскет остановился.

— Quo vadis, Domine? — спросил он, когда человек поравнялся с ним.

И услышал:

— В Рим, чтобы быть снова распяту.

С этими словами человек исчез. Каскет помотал головой, потом рассмеялся.

— Такова твоя участь, — напутствовал он человека.

Потом Каскет пошёл своей дорогой.

ГЛАВА 9

Постепенно, не сразу, так, чтобы к нему привыкли и не кляли при первом услышании, не бежали узнавать, что это, не останавливались посреди дороги, обратившись в слух, постепенно, — звук нарастал в воздухе. Он не был ни на что похож, этот звук. К нему можно было применить все определения — и шум, и вой, и плач, и вопль, и стон, и скрежет зубов.

Каскет тоже не мог разобрать, что это.

Он быстро шагал по дороге. Равнина давно уже сменилась пейзажем покинутых деревень, обвалившихся стен, печных труб, торчавших из пепла быта, воронья, каркающего над развалинами. Каскету было безразлично, какое бедствие постигло этот край — мор или глад. Главное, сохранилась дорога, дающая направление. Это было главное.

На перекрёстке трёх дорог он остановился. Здесь стояли две статуи: Гекаты, ночной охотницы, и Януса, бога, которому ведомо всё. Здесь Каскет стоял раздумывая, когда со всех сторон и сверху послышалось хлопанье крыльев, адское завывание, хохот, свист бичей, и перед Каскетом закрутилась, завилась, заиграла Дикая охота. Каскет разглядел сонм страшных призраков и злых духов, мечущихся в скачущей пляске. Он стоял на месте — перекрёсток был особенно опасен для встречи с Дикой охотой, и потому бежать было некуда. В это время перед ним возник длинный сухопарый человек в чёрном костюме для верховой езды, чёрной широкополой шляпе и с допотопным мушкетом в руке. Его узкое безгубое лицо было мрачно. Они взглянули друг другу в глаза.

— Вот и ты, — наконец произнёс человек.

— Вот и ты! — заголосило, завывало вокруг. — Вот и ты! Давно мы ищем тебя, Каскет. Давно, давно, давно, давно мы ищем тебя, Каскет!

— Что я вам? — спросил Каскет.

Чёрный человек улыбнулся — оскалились его жёлтые клыки.

— Мы зовём тебя — присоединяйся к нам. Ты достоин нас.

— О, как ты достоин нас, — выли голоса. — Как достоин, как достоин ты нас, Каскет!

Каскет дождался, пока адский визг прекратится.

— Это ты так считаешь, Чёрный охотник? — спросил он.

Человек кивнул.

— Да.

— Я подумаю, — сказал Каскет, делая шаг.

Стальная рука тисками ухватила его за плечо, пронзив холодом, и чёрные глаза уперлись в его глаза. Каскет выдержал взгляд.

— Зачем тебе свой путь? — прошипел Чёрный охотник. — Идём с нами. Ты достоин нас.

— У меня своя дорога, и я иду ею, — произнёс Каскет, еле сдерживаясь.

Рука отпустила его.

— Гей! — грянул голос, и вокруг поднялся гам и стон, Дикая охота сорвалась с места и, ныряя в облаках, среди молний и вспышек, понеслась куда-то — исчезла.

Каскет поднялся с земли, куда его опрокинуло, и принялся отряхиваться. Закончив, он выпрямился и посмотрел в ту сторону, куда исчезла Дикая охота и где ещё слышался приглушенный вой.

— Не многовато ли побед на сегодня? — прошептал он задумчиво, продолжая свой путь.

Набатно звенело в тихом воздухе. Начались буковые леса, сменились полями, невозделанными, лежащими впусте, и казалось, никогда не оглашала их весёлая песня пахаря. На небе, где раньше было солнце, теперь расплылась белёсая клякса, мутно светящая. Горизонт объяло красноватым заревом — неизвестно, что было там. И такое уныние наводил этот пейзаж, что Каскет в конце концов оставил себе под ноги и начал напевать весёлую песенку. На всём пути ему не встретилось ни одной обитаемой деревни, ни одного города, в котором кипела бы бурная жизнь. Жизнь была в запустении. Правда, люди ему встречались, но все они, в основном, болели, вели войны, скитались по дорогам и попрошайничали. Каскету нечего было дать им.

В конце концов он вышел на берег широкой реки, которая где-то вдалеке, за крутым изгибом, впадала в море. По реке плыли люди, дома, деревья, некоторые виды диких и домашних животных, трава, небо и туманный отблеск несуществующего солнца. Всё это медленно плыло по реке и уносилось в море. Через эту реку не было ни брода, ни моста.

Каскет стоял на берегу. По реке плыл корабль. Он назывался Нагльфар и был сделан из ногтей мертвецов. Корабль был огромен. Как грандиозный, отблёскивающий айсберг, он двигался вниз по течению реки, мерно взлетали — опускались весла, скрипели уключины, полоскался парус где-то в недостижимой вышине, и пескончаемый гул и бряцанье неслись с корабля, будто целое войнство плыло на нём к какой-то своей цели.

Каскет посмотрел назад, откуда пришёл. Его настигала Дикая охота. Теперь Чёрный охотник, видимо, не был уже настроен так миролюбиво, как вначале. Визг и улюлюканье неслись прямо в лицо Каскету, и он понял, что нужно спастись. Дикая охота не сможет нагнать его на воде, поэтому Каскет приложил ладони рупором ко рту и закричал:

— Эй, на судне!

Ему пришлось крикнуть ещё два раза. Корабль проплывал мимо, мерно взмахивали весла. На носу стоял человек. Он был высок, чернобород, в чёрном ниспадающем плаще и коническом рогатом шлеме. Человек повернул к Каскету своё насмешливое лицо и долго

изучающе смотрел на него, в то время как корабль продолжал плыть по течению. Каскет начал суетливо бегать по берегу и для пушей наглядности тыкать рукой в приближающуюся Дикую охоту. Человек повернул голову и с минуту изучал Дикую охоту. Наконец отдал какую-то команду. Каскет легко взбежал по опустившимся сходяням, и всё снова прорезали тихую мутную воду реки. Дикая охота остановилась на берегу. Клубящийся сонм призраков начал медленно таять болотным туманом, и Каскет видел, что перед тем как исчезнуть, Чёрный охотник поднял руку, затянутую в черную охотничью перчатку, в торжественном прощальном салюте.

ГЛАВА 10

Берега неспешно плыли мимо. Каскет взойшёл на мостик и встретился взглядом с человеком, спасшим его. Вдалеке, за открывшейся излучиной, виднелось море, и над ним небо багрянело тревожным пожаром. Каскет и человек в плаще встали друг против друга.

— Бог Локи, — сказал Каскет. — Я узнал тебя по кораблю сестры твоей Хель. Благодарю тебя.

Локи склонил голову в шлеме.

— Назовись! — сказал он.

— Каскет, — сказал Каскет.

— Этот корабль зовется Нагльфар, — произнёс Локи. — Мы плывём к Рагнарёк. Тебе известно об этом?

— Да, я знаю, — бросил Каскет. — Но мне не по пути с вами. Ведь я жив, а потому не смогу драться на твоей стороне.

— Иногда я бываю не своекорыстен, — пожал плечами Локи. — Я подобрал тебя из чистого благородства. Твоя благодарность льстит мне.

— Боги Асгарда первым убьют меня, кто был на стороне их злейшего врага, — быстро сказал Каскет. — Они так и не простили тебе смерти Бальдра.

— А по-твоему, из-за чего заварилась вся эта кутерьма? — зло фыркнул Локи. — Из-за этого сопляка, которого все почему-то считают мудрым и благостным. Клянусь громом! Я нисколько не жалею, что подсунул этому слепому дурню Хёду ту стрелу из омелы.

— Они отомстили, — тихо произнёс Каскет.

— Да, жестоко отомстили, — воскликнул Локи, и лицо его затвердело. — Они убили одного моего сына, а другого превратили в волка. Они окропляли моё лицо ядом змеи. О, они жестоко поплачутся за это!

— Я надеюсь.

Локи медленно повернул к нему лицо.

— Ты надеешься? Да ты будешь грызть землю от страха, когда произойдёт Гибель богов. Ты будешь кататься по земле и выть от страха.

— Что сказано в кеннингах? — спросил его Каскет. — Тебя называли "изначально проигрывающим". Почему? Тебе это известно?

— Да, — угрюмо ответил Локи. — Я никогда не узнаю, где находится заповедная роща Ходдмимир.

— Верно, — с довольным видом полттвердил Каскет.

— Тебе известно, где это? — Локи внезапно и с силой притянул его к себе. — Где?

— Я не знаю этих мест, — твёрдо сказал Каскет. — Скажи мне, когда будем у цели, и я попытаюсь показать тебе. Ибо ещё не родились Лив и Ливтрасир, и не выпала ещё та роса, которой они будут питаться.

Локи нехотя отпустил его. Потом вытащил откуда-то длинные клейкие красные нити.

— Это кишки моего сына Нары, — глухо молвил он. — Они связали меня ими, думая, что мне не вырваться. Клянусь кольцами другого моего сына, Ёрмунганда, я свяжу этой вервью Одина и сброшу его в мировую бездну Гинунгагап!

Потом прислушался.

— Слышишь?

В воздухе нарастал звук. Локи повернул лицо с горящими глазами к Каскету.

— Это рог Хеймдалля, — сказал он. — Уже вырвались на свободу дети мои Фенрир, Ёрмунганд и Хель. Кренится и дрожит мировой ясенё Иггдрасиль, и Фимбулветер наступает на землю.

— Ты боишься? — спросил Каскет.

— Боюсь? — расхохотался Локи. — Клянусь пастью Фенрира! Скоро мы будем в море. А потом я выпущу из этих трюмов тьму душ, когда-то обречённых на страшную муку, и они обрушатся на эйнхериев Одина.

Корабль выходил из устья реки. Впереди ярилось море. Свинцовые волны и свинцовое небо слились в одну бушующую стихию, и стало стужено. Каскет задрожал.

— Дрожишь? — крикнул Локи. — И Один дрожит так же, чуя свой конец!

Вокруг сталкивались друг с другом громадные валы, но Нагльфар шёл, прорезая их и даже не качаясь. Каскет плотнее завернулся в свой плащ и так же, как и Локи, зорче вглядывался вперёд. От рева воды и ветра мурашки бежали у него по телу.

Корабль шёл быстро. Зарево впереди стало разгораться, звук в воздухе был — точно зов рога, ибо страж богов Хеймдалль уже разбудил дружину асов, и она готовилась к конечной битве. Каскету стало странно-весело, и он засмеялся.

Начали попадаться айсберги. Корабль входил в зону вечных льдов. Резко похолодало, и плащ уже не спасал Каскета от порывов ледяного ветра. Волосы его, брови и ресницы обледенели, и весь он дрожал. Локи стоял рядом с ним, но ему всё было нипочем: он весь ушел в мистительно-радостное предвкушение грядущего сражения. Он что-то бормотал себе под нос и сжимал рукоять своего меча.

Зарево, достигнув блистающего предела, превратилось в неяркое сияние. Звук в воздухе пропал. Теперь корабль окружала тишина, и слышен был только шелест мелкого битого льда под днищем корабля да стук о борт осколков покрупнее. Впереди расстилалась белая заснеженная страна с чернеющими резко верхушками скал и свинцовым низким небом. Астард, страна богов, была перед ними.

Корабль остановился.

— Ну, теперь ты мне скажешь, где находится священная роща? — спросил внезапно Локи, оборачиваясь к Каскету.

Каскет чуть поколебался. Потом сказал.

— Недалеко, — удовлетворённо произнёс Локи. — Эй, у руля, курс — вперёд!

Продрогший, голодный и донельзя усталый, брёл Каскет по снежной стране. Не разбирая пути, спотыкаясь, падая, скользя по обледенелым склонам, он шёл вперёд. Позади себя он слышал неясные звуки начавшейся битвы, звон и стук титанических мечей, лай и грызню, знаменующую схватку Одина с Фенриром, зловещее шипение Ёрмунганда. Каскет, не оглядываясь, брёл прочь, а за горами вставало ослепительное сияние: то шёл Сурт с мечом, словно молния.

Потом всё кончилось. Местность начала вдруг резко меняться: сначала исчезли льды, потом постепенно сошёл на нет снег. Пропали скалы, деревья, чахлая трава, выбивающаяся из-под снега, камни, почва, вода родников, сочащихся с гор. Под ногами стелилась ровным слоем плотная бурая земля, которая отзывалась на каждый шаг громким чётким стуком. Каскет стоял на этой земле. Он оглянулся. Сзади безбрежно расстились заснеженные поля льда, чёрные островерхие горы, надо всем этим мёртво темнело небо. Он посмотрел вперёд. Еще несколько десятков шагов, и бурая земля круто обрывалась в никуда. За этим провалом уже ничего не было, лишь сероватый туман изменчиво плыл, создавая фантазмагорические, насмешливые образы. Каскет подошёл поближе. Он стоял на краю земли. Перед ним лежала коричневая бездна без начала и конца, курящаяся серыми волокнами тумана. Оттуда налетал на него свирепый холодный ветер. Внизу ничего невозможно было различить. Бездна гасила и мысли, и желания. Она была всё.

Каскет находился у конца земли. Он ещё раз оглянулся. Локи наверняка уже идёт к незабвенной роще Ходдмимир, — не он, так кто-нибудь другой, им посланный, — и когда он достигнет рощи, тогда погибнут Лив и Ливтрасир. Тогда всё погибнет.

Каскет, удовлетворённый, стоял и стоял у края погибающей земли. Он думал, что скажет на прощанье что-нибудь эдакое, что-нибудь геройское вроде: "ну и идите вы все в ад!" или "милый Рагнарёк!" или даже: "Боги и люди, все вы одинаковы!" Каскет удивился сам себе, потому что ничего такого не сказал.

Вместо этого он разбежался и прыгнул в открывшуюся под ним головокружительную бездну.